

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
NEW ADULT. МАГИЧЕСКИЕ МИРЫ

Макс Далин
УБИТЬ НЕКРОМАНТА

Дана Арнаутова
ГОД НЕКРОМАНТА.
ВОРОН И ВЕТВЬ

Екатерина Звонцова
СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

A decorative border surrounds the text. It features two skulls at the top corners, each holding a musical instrument (possibly a horn or trumpet). The border is composed of intricate, swirling floral and vine patterns with small circular motifs.

Екатерина Звонцова

СЕРЕБРЯНАЯ
КЛЯТВА

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Иллюстрация на переплете *Djuneу9*

Звонцова, Екатерина.

3-43 Серебряная клятва / Екатерина Звонцова. —
Москва : Эксмо, 2023. — 704 с.

ISBN 978-5-04-172750-5

Тёмные времена настали в Остраре, стране Солнца. Великая правящая династия пала. На трон восходит новый царь, Хиндро Всеведущий, но ему не остановить Смуту. Ведь в Лунном королевстве объявляется Самозванка, зовущая себя дочерью погибшего государя, — и с её армией в Остару приходит война.

В поисках спасения Хиндро обращается к наёмникам с Пустоши Ледяных Вулканов. Их лидеру предстоит сражаться бок о бок с племянником царя, и это кладёт начало великой дружбы, которую однажды воспоют в песнях.

Но молодые полководцы не знают: в войне не будет победителя, а враг — не в рядах Лунной армии. Цена вражды — дружба, сгубленная в первый год бед. Цена верности — предательство. А цена жизни — смерть...

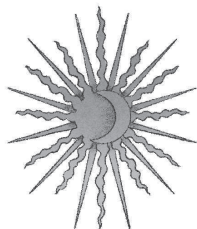
УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172750-5

© Звонцова Е., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

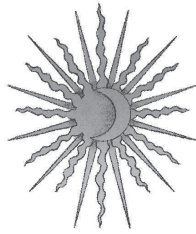
*Omnia mala dixeris, si hominem ingratum dixeris. Item:
Ingratus est veluti mus in pera,
aut anguis in gremio¹.*

(Петр Петрей де Ерлезунда.
История о Великом княжестве Московском)

¹ «Ты выскажешь все злое, назвав кого-то неблагодарным. Ведь неблагодарный — словно мышь, затаившаяся в суме, или змея, свернувшаяся на груди».

ΠΡΟΛΟΓ

10 ЛЕТ НАЗАД БОЯРИН БЕЗ СЕРДЦА

— Конечно, нет, княжич, им не дали остаться. И, думаю, мне, не зря. С неба на нас смотрят звезды, одна другой ярче и любопытнее. Все звезды — девочки, я уверен, не знаю, почему. Колокола уснули; тепло горит огонек в каменной чаше. Прыгает, вьется — указывает путь к городу, к резному солнцу на старых воротах, и отпугивает волков. Внизу монетками пересыпается зычный смех: дозорные от скуки спорят, чей же петух — черный боярский или красный воеводский — заклюет другого на ближайших боях в Манежной палате. А здесь, наверху, тихо, только трещат искры да зевает сквозняк в колокольном нутре. Потому и люблю крышу нашего въездного маяка. И Анфиля люблю.

Он сонно посматривает на меня из-под седых ресниц. По лицу вижу: устал. И гадает, зачем мне сказки об иноземцах. Но я так много там не понимаю...

— Но почему, Анфиль? Ведь они были в беде!

— Не всякому, кто в беде, надо помогать, знаешь?

Отворачиваюсь к лесу, чтобы только не увидел он моей гримасы с высунутым языком: ну вот, опять! Вечно это его «свой»-«чужие», все они так! Все, кроме Грайно, ему-то знать лучше. А Анфиль-то его дразнит, по имени никогда не зовет, вечно «лукавый герой»... Хотя что взять с Анфиля? Он пусть старый, но мало на своем веку повидал, вечно сидит, как

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

птица, возле этих колоколов, людей чурается, а гнездо себе свил из книжек.

— Ну... не дуйся. Побоялись жители долины, — все-таки продолжает он, видя: обиделся я на поучения. — Ведь чужеземцы были язычниками. Верили, что защищает их Святое Семейство, боги Цветного огня. Эмельдіна-хозяйка — императрица Алого пламени, Иларван-воин — император Рыжего пламени, Анни, Яно, Йэри — принцесса и два принца, с желтым, голубым и зеленым пламенем. Семейство дарило язычникам удачу и защиту. Но, видно, недостаточно сильны были эти божки.

— Слабее нашего? — Хотя тут и спору нет. Все я о нашем Боге знаю, люблю Его, Он — не оставит и никогда не подведет. Так отец говорит.

— Никого нет сильнее, княжич. — И Анфиль обоих нас осеняет солнечным знаком: длинным узловатым ногтем рисует в воздухе круг, прочерчивает его прямым крестом, потом косым. — Солнце согреет всех, даже неверных.

Вот бы стать солнцем... Знать бы, возможно ли? Но это спрашивать не буду, точно Анфиль засмеет или начнет опять ворчать. Лучше о другом узнаю:

— А все-таки, как так? Зачем им понадобился приют у нас?

И снова он вздыхает, но рассказ продолжает:

— Пришло несчастье: их остров Ин-Сафран, как и всю Ледяную гряду, поглотил однажды океан. Гневная вода забрала и жителей, и их богатства и знания. Не стало у язычников дома, совсем мало их уцелело. Но от божков они не отреклись, упрямы.

Какая судьба ужасная... но я улыбаюсь: да, наш Бог сильнее, но что бывает с другими, которых забывают? Они, наверное, умирают, бедные. Хорошо, что их не предали, я бы от нашего тоже не отрекся. Анфиль укоризненно цокает языком: его послушай, так все должны верить только в Милосердного Воителя, прочее — ересь. А по мне так у них, у богов, там что-

ПРОЛОГ

нибудь вроде общей семьи, или приказа, или боярской думы по людским делам.

— Выжившие принесли сюда веру, — ворчит Анфиль, — на своих звероносных драккарах. Привезли удивительные картины, где боги как люди; привезли стеклянные лампы пяти цветов; привезли то, что звали мощами, — почему-то не гниющие останки древних монахов. Да только можно ли стучаться за приютом с чужой верой? С верой в пламя? Можно, не испросив разрешения, жечь благодарственные костры на чужом берегу?

Хоть было это сотни лет назад и никаких «останков» Анфиль точно не видел, он морщится: слыханное ли дело? Тут я его понимаю немного: солнечная вера не позволяет хранить кости в святых местах, такое пристало разве что псам. Солнечные обычаи запрещают рисовать Бога, можно лишь высекать в камне. Солнечные церкви — место для золота и дерева, студеной воды и мрамора, не бывать там ярким цветам. Да и зачем они? А вот другое занято.

— Но чем так плох огонь? — Нет, не понять мне. Мы же тоже спасаемся им в холодные дни. Он добрый. Не укусит просто так. Разве солнце не то же пламя? Опускаю глаза, провожу ладонью над чашей, похожей на невзрачный цветок. Странно как: языки огня-то ластятся, тянутся за пальцами, искрят и слегка меняют цвет. На алый... желтый... зеленый, голубой, снова рыжий! Хорошее у них сегодня настроение. И я улыбаюсь им в ответ.

— Не балуйся, а ну! — Анфиль кричит не сердито, но шлепает меня по руке и тут же потирает глаза. — Обожжешься же. Кому влетит от Хинсдро, тебе одному, что ли, ветрогон?

Ух... строгий он. И слова его дурацкие: то «ветрогон», то «сорви-голова», будто хуже меня детей нет. Но тут он прав: не будет отец рад ожогу, отругает и правых, и виноватых. А Грайно не отменит по такому пустяку поединок. Его и так-то не победить, он скачет ловчее лисы, а как я удержу

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

палаш в покрытой волдырями руке? Но огоньки эти... красивые они были. Необыкновенные. Будто пестрой пляской хотели со мной поздороваться, пошептаться. Я уже пару раз такое замечал.

— Опасен огонь, — бормочет Анфиль, глядя сквозь дым. — Коварен. И чужеземцы коварны. Среди тех, кто просил приюта, большинство были как пламя войны. Рыжие люди, расцветившие наш берег рыжими кострами. И хотя пришли они с миром...

— Их всех-всех прогнали *туда?*

Хотя знаю сам, не раз смотрел с отцом карту. Он жутко важный боярин, потому и карта у него большая, в треть стены, и там поместился весь мир! Наш Дом Солнца — Острара. Дом Луны — Осфолат. Гнездорн — горная цепь, где живут ужасные крылатые людоеды. Дальние королевства — Цветочные, там у всех правителей красивые гербы и загадочные судьбы. Видно на карте и край, о котором я все хочу, хочу вызнать побольше. Свэргенхайм. Пустошь Ледяных Вулканов, отделенная от Остарары стеной. Говорят, там очень холодно и страшно. И что она не похожа ни на что на свете.

— Император Солнца и Луны — тогда мы были еще единой Поднебесной Ардарией — предложил им принять нашу веру и остаться, — продолжает Анфиль, а я все вижу ледяные горы. — Но ни предводитель, ни большинство тех, кто плелся за ним — даже дети, женщины, старики, — не согласились. Из всего их народа десять-пятнадцать измученных несчастных кинулись вождю в ноги, упрасывая дозволения отречься от огненных богов. Он отпустил их, пожалев: все-таки не одна неделя прошла в голодном странствии, не все это странствие пережили. Сам же он с остальными ушел, чтобы поселиться там, где и живут сейчас его потомки. Так, вестимо, было суждено. Пустошь ведь полнится огнем, который они так чтят.

ПРОЛОГ

Анфиль смолкает, вороша посохом уголья; блестят золотой жаворонки, вырезанные по каменной древесине. Я запрыгиваю на парапет — под его возмущенное «Сверзнешься, разбойник!». Гляжу вдаль, на лес. Из головы не идут люди, молящие правителя их отпустить. Грустно все-таки. Грустно, что у нас в древности все были такие нетерпимые. Хотя... в отцовых книгах о Свергенхайме и хорошее написано. Надо и про это узнать:

— А правда, что огонь Ледяных Вулканов каждый год очищает их землю от скверны, и потому они почти не знают болезней и живут по сто лет?

Мы все время чем-нибудь болеем, у нас мало кто умеет лечить. Сложно слишком.

— Правда. Как и то, что, если кто-то не поднимется в высокограды на время Великих Извержений, огонь съест его, не оставив даже пепла.

— А правда, что, очистив землю, огонь делает ее теплой и плодородной, и там всходят лучшие хлеба, и собирают там иногда несколько урожаев в год?

Мы собираем один, ну, кроме южных земель. Большой, но все-таки.

— Правда. Как и то, что все не собранное до извержений огонь съедает, и в холодные года, если посевы не успевают взреть, целые семьи гибнут от голода. Да еще земля там каменистая, тяжело ее возделывать, и мало ее...

— А правда, что дети там смолоду учатся лазать на вулканы и спасаться от пламени, и сражаться, и потому в Свергенхайме — лучшие воины?

Вот там-то меня бы заметили, там-то меня бы обязательно брали в походы, и больше учили бы драться, и не ругали бы за то, что я побил Ларло, дразнившего юродивую на перти!

— Правда. Как и то, что уцелевший народ Свергенхайма мал, как ни плодится. Чтобы пойти войной на самое неболь-

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

шое Цветочное королевство, им пришлось бы уйти почти всем, оставить посевы и по возвращении — если не получат земель, — голодать.

— А правда...

— Не пора тебе спать, княжич? — не выдерживает Анфиль, устало смеясь. Совсем я его измучил, морщинистое лицо кажется еще древнее. — Ну что еще ты желаешь узнать? Правда ли, что их доспехи куются на живом огне и потому легки и крепки? Правда. Правда ли, что пьют они талую воду с кратеров, и потому кожа их бела как снег, хоть и усыпана веснушками? Правда. Правда ли, что мечта их — земли, где можно без таких забот возделывать поля и пасти скот, но никогда они не получают этой малости? Правда.

Никогда... Это несправедливо. Нет, не может так быть, а Анфиль не может так думать!

— Что ты говоришь! Наш Бог однажды пожалеет их. Он ведь разбил Полчища Тьмы, спас проглоченные небесные светила... Неужели не даст дикарям кусочек земли?

И Анфиль вдруг улыбается — так, что глаза молодеют. Будто я его похвалил. Или будто правда стал солнцем, луч которого на него упал среди ночи.

— О свет мой... Зачем ты так добр?

И чего тут непонятного? Злым будешь — друзей не заведешь. У меня все вокруг добрые, и у всех друзей много. Мой отец и мой наставник дружат с самим царем, а я со стрельцами!

— Они не сделали мне зла.

Анфиль с любопытством щурится.

— А если сделают?

Проверяет он меня, что ли? Или опять дразнит? Может, думает, что я просто так болтаю, отца не слушаю и Грайно? Они у меня — не только добрые, но и умные. И я тоже таким буду, когда вырасту. Спускаю никому не дам. Анфиль даже вздрагивает, видя, что я положил ладонь на рукоять кинжа-

ПРОЛОГ

ла. Вот же чудной! Будто я его собрался резать. Просто говорю:

— А сделают — пожалеют. И...

— Княжич! Княжич!

Зовут! Меня! Раскаты голосов смешиваются со стрелецким смехом, это отцова стража как всегда знает, где меня ловить. Ух, только бы сам он меня не наругал... ух, и так у нас все непросто, огорчаю я его, раз он все чаще просит: «Не зови отцом. Я же дядя тебе». А я не могу, не хочу...

— Иду я! — кричу вниз, чтобы стрельцы не тревожили округу криками. — Иду! — Соскакиваю с парапета, едва не поскользнувшись. — Прощай, Анфиль!

Старик провожает меня печальным взглядом, будто понял, о чем я задумался и почему зашпешил. На винтовой лестнице стараюсь не упасть, слушаю тихий звон собственных шпор. Думаю об огоньках в чаше. О ледяных горах. И будто слышу, как там, за горизонтом, на который мы смотрели, кто-то поет, а любопытные звезды-девочки его слушают.

Кто-то очень грустный. Такой же, как я.

Алеко разносятся песни Свергенхайма — Пустоши Ледяных Вулканов. Сильны голоса ее жителей — рыжих язычников с лицами белыми как снег. Высоко возвели они города, спасаясь от злобы вечных соседей, изрыгающих пламя; с надменной высоты глядят на мир, не давший им приюта. Никогда больше они ничего не попросят — так велел, умирая, последний их вождь, не звавший себя королем. И лишь песни напоминают им о том, что навеки потеряно, — песни да солнечные крапинки веснушек.

Каждую ночь матери Свергенхайма поют беспокойным, не привыкшим еще к злой стуже младенцам, раскачивая тихонько плетенные из грубой шерсти, кусачие колыбельки. Песни те — о затонувшем доме. О горячих его источниках. О болотах, заросших

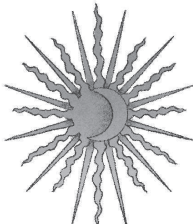

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

черникой. О лесах, вырастающих выше гор, о зверях с мудрыми взглядами колдунов и о соседях-колдунах с ликами белых косматых зверей. Остров тонул в фиалках и медуницах, крохотных розах, ландышах, колокольчиках. Там не было ни метелей, ни вулканов, ни голодных годов.

Ища надежды и утешения, все матери Свергенхайма поют эти песни. И качают колыбельки бледными руками, и глядят в заснеженную ночь, и смыкают ресницы, когда меркнет наконец злое северное сияние. И страшно, что остров — настоящий, забытый ныне картографами, но когда-то слышавший Зеленой Жемчужиной в Снегах, — постепенно сам становится легендой. Никто уже не верит, что он восстанет из глубин, что перестанет гневаться океан, затопивший Гряды, когда растаяли ее ледники. Никто не верит...

А нового дома все нет.

12 ЛЕТ НАЗАД КОРОЛЬ БЕЗ ЧЕСТИ

*Спи, мой принц, глаза закрой.
Здесь не слышен волчий вой.
Горе ты свое забудь.
Долгим был кровавый путь...*

Я слышу это сквозь сон, пока морщинистая рука бережно перебирает мои волосы. Но проснуться я не могу. Мир плывет, и в нем ни одной краски, только голос ёрми¹ — королевы-матери, матери моего отца — и может пробиться туда.

*Спи, мой принц, засытай,
Пусть горит небесный край.
Злостью дальних городов
Не сомкнуть твоих оков...*

Тоскливая песня, но раньше она пела ее ему, ему одному. В ночи бунтов — когда его предали вассалы, а меня не было вовсе. Потом он уничтожил их и все-таки занял трон, получил прозвище «Отважный», а я и мои братья появились на свет. А потом прошло много лет, и мы с ёрми оказались в плену в Осфолате. В худшем месте, куда могли попасть.

*Спи, мой принц, не страшись.
Ничего не стоит жизнь...*

¹ Бабушка / старая наставница (*сверг*).

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

Ничего. Кинжал уже в руке. Я украл его у часового, пока тот лупил меня по ребрам и животу, вытащив за волосы из камеры. Пока говорил, что у меня длинные кудри маленькой шлюхи. Пока обещал продать торговцам Шелковых земель и их властителям, не способным дня прожить без нового красивого мальчика в спальне. У него были причины злиться: когда он вздумал подразнить меня и подался к решетке слишком близко, я схватил его за плюмаж и впечатал зубами в решетку. Мне стыдно за одно: что ёрми пришлось поднять крик и вымалывать для меня пощаду. Она очень боится, что за нами не придут. Уверена, что отец давно разлюбил ее и не станет тратить силы на штурм ненужной крепости. И она думает так же, как тот часовой: что я отцу точно не нужен.

Я не верю. Но я прождал его две ночи и две ночи не спал.

Из окна задувает, с потолка капает: вроде бы вода, но склизкая, как испорченный суп. Наверное, ёрми холодно... мне нет. Все-таки я родился в Свергенхайме. А она — младшая принцесса Ойги, одного из Цветочных королевств. Ей, конечно, лучше в тепле, и она такая хрупкая, старая... скорее бы вывести ее. Я думаю об этом даже во сне. Главное, не заразиться ее страхом. Забыть, что развратные сагибы Шелковых земель — еще не самое страшное, что может нас ждать. Нас могут отдать и людоедам, более близким союзникам Дома Луны. На пир. Тут ведь поклоняются светлomu Хийáро, Милосердному Воителю. А те, у кого самые добрые боги, способны на самые кровавые расправы.

Что-то шумит, грохочет. Тишина будто лопнула, зазвела, задрожала. Рука ёрми перестает касаться моего лица. Скорее всего, она встала; скорее всего, прошла к узкому зарешеченному окну и встала на носки, она достаточно высокая. Кого она видит на улице? Кто к нам спешит, чьи кони ржут все громче? Отец? Я верю, он. Да, он нужен в другом месте. Да, он защищает пролив Ервейн, самое большое сокровище нашей голодной земли, которое лунные раз за

ПРОЛОГ

разом пытаются отнять, чтобы торговать там самим. Да. Но, уверен, он пошел бы за родными детьми. И, вопреки всему, уверен, что пошел за мной.

Я особенный для него, я знаю. У него много бастардов и целых три законных сына, но я — особенный. Ведь мне не нужен трон. Не нужен даже титул, который он уже мне обещал, как обещает всем детям, родившимся от чужих женщин. Мне не нужно ничего, только его любовь, потому что он великий, и я стану таким же. Он чувствует это, не потому ли меня, одного меня взял на эту войну, хотя мне всего двенадцать? И не потому ли когда-то приехал за мной, чтобы забрать у ёрми? Не у этой, у другой, у той, что воспитывала меня.

У мертвой. Слово отдается в голове пушечным выстрелом сквозь сон. Лунные кричат.

Она тоже была великой — и потому я не боюсь судьбы, которую выбрал. А еще она была одной из немногих офицеров, не предавших отца во время бунта вассалов. Они жгли поля, а она убивала их. Они планировали заговоры, а она прикрывала отца грудью. Они переманивали солдат-мужчин, а она собирала солдат-женщин. У нее было красивое имя — Гюллрейль. И, наверное, она сама когда-то была такой же красивой, как ее племянница, моя мать, которую отец променял на множество других женщин. Ёрми так этого и не простила, потому забрала меня как можно дальше от двора. В Громаду — наш замок на краю Свергенхайма. Туда, где у меня были море, книги легенд и друзья среди рыбацких детей. И любовь ёрми. Много-много любви, которую ей больше некому было отдать.

«Эндре — драный кот! — говорила она об отце. — Однажды Эндре сам подавится тем, чем портил девок!» Я еще не знал, портят ли коты девок и как? Трутся о них, оставляя на платьях шерсть? Хотя... я мало видел в жизни котов, они у нас редки. Может, думал я, они более коварные создания,

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

чем кажется. А потом она умерла, а «драный кот» приехал за мной и оказался лучшим человеком на свете. Большой, рыжий, очень храбрый. Он улыбнулся мне и спросил: «Наверное, тебе тут скучно. Хочешь со мной?» Я захотел. При дворе оказалось страшно, все было там слишком ярким, а три моих брата-принца — слишком высокомерными. Но я побил одного, и два других присмирели сами. Появилась новая ёрми, с которой мы сразу подружились. И Лисенок... как я скучаю по Лисенку! А отец был в восторге от меня и все время говорил кому-то:

«Это он в меня!»

«Он особенный!»

«Только посмотри, какой у него удар левой!»

«Он что, рычит?»

Он полюбил меня настолько и настолько стал гордиться моими успехами — в верховой езде, в фехтовании, в стрельбе, — что позвал сюда, хотя и не пустил в бой: с ёрми мы несколько недель ухаживали за ранеными в полевой больнице. И пусть он не спас нас во время ночной атаки. Пусть не послал погоню. Пусть я ждал его две ночи. Конское ржание уже затихло, зато стреляют пушки, и шипящее осфолатское наречие сменилось другим — не нашим, но наречием друзей. Ойга! Нас, кажется, пытаются освободить...

— Звереныш... малыш, проснись.

...Рыцари Ойги. Они тоже дружат с отцом и помогают нам в войне.

Открыть глаза проще, чем кажется, сесть и вскочить — тоже. Голова ясная, ноги дрожат, но это дрожь хищника, готового гнаться, а не жертвы, готовой убежать. Я вынимаю из рукава кинжал — под удивленный возглас ёрми. Я вслушиваюсь в приближающуюся гортанную речь: да, точно, это цветочные. Но расслабляться рано, мало ли что.

Стрелять прекращают резко — будто это я оглох. Ёрми замирает с прижатыми к груди руками: волнуется, перебира-

ПРОЛОГ

ет тонкими пальцами накидку, в которую кутается. Кто кого убил? Кто... да неважно. У меня есть оружие, и я сын Эндре Отважного.

— Не сунутся! — обещаю шепотом, прижимаясь к стене у входа, пока грохочут шаги из-за угла. — Держись сзади...

— Но... — она осекается: я прижимаю к губам палец. Не до ее тревог.

— Брось, брось, — все та же гортанная речь, низкий ленивый голос все яснее долетает до слуха. — Сначала спасаем принцессу. Потом трофеи.

— А хорошенькая принцесса? — допытывается кто-то помладше, и все тот же голос посмеивается:

— Немного потрепанная временем. Но наш король любит ее.

Крепче сжимаю кривую рукоять-серп: это про ёрми! Те, кто к нам идет, смеются над ёрми! Над тем, что она маленькая и седая, и чтобы хорошо выглядеть, ей приходится румянить щеки краской и подводить глаза углем... а тут у нее ни краски, ни угля. Но почему-то она не сердится, наоборот, отвечает чужому смеху собственным и кладет мне руку на плечо:

— Не надо, нет, малыш, это свои. — Она повышает голос: — Мы здесь, здесь, сюда!

Трое рыцарей — в зеленых плащах, в плотных тяжелых доспехах, с бодрыми красными плюмажами — выйдя из-за угла, останавливаются у решеток, переглядываются, переговариваются с легким недоумением: будто ждали каких-то других пленников. Ёрми поддразнивает младшего, белокурого и круглощекого:

— Принцесса, потрепанная временем, — я, смелее!

Рыцарь, встретив ее взгляд, пугливо краснеет, а хмурые лица других смягчаются. Главный рыцарь — темноволосый, тоже молодой, но самый важный и строгий — выступает вперед, с трудом скрывая улыбку. Наверное, он любит хорошие

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

шутки и старых дам. Или просто рад, что быстро взял крепость.

— Очень приятно. — Он склоняется в неглубоком поклоне, поглядывая исподлобья — глаза карие, пристальные. — Значит, это о вас так тревожится славный друг Эндре? А это... — он кидает взгляд и на меня, — что, ваш паж?

«Паж...» Слово хуже всех побоев часового, а может, хуже и того, как я ударил его зубами о решетку. Оно врезается в голову, отдается в ушах, и я едва не отступаю, но упрямо сжимаю кинжал. Отца нет. А рыцарей отправили сюда не со словами «У меня пропал сын, спасите его». Я вспоминаю звуки, которые смутно различал сквозь дрему: как кто-то стрелял, как сыпались камни укреплений... примерно так сейчас осыпается что-то каменное и крепкое во мне. Что-то, чему нет имени.

— Эндре, — мягко, но непреклонно поправляет ёрми, обнимая меня за плечи, — потерял нас обоих. — Конечно, она все чувствует. Конечно, не посмеет жалеть меня. — И одного мог потерять навсегда. Оба мы — его семья, а если позволите некоторое самомнение, — лучшая ее часть.

Неловкая тишина повисает в темноте, но почти тут же расщевивается сдавленным рыцарским фырканием. И вот они уже хохочут от души, хохочут как мальчишки, нисколько не стесняясь, но я не могу даже улыбнуться. Это больно. Больно и смотреть на начищенные доспехи наших спасителей. Больно от слабого рассветного сияния за окном.

«Это что... ваш паж? На большее он не тянет». Кусаю губы и вижу, что мои пальцы на рукояти кинжала побелели. А потом замечаю, что кареглазый командир следит за мной. Что ему нужно? Какой тяжелый взгляд, словно способен проникать сквозь стены. На грубоватом лице глаза эти — как самоцветы, холодные и странные. Я бы их вырезал.

— Вот как? — наконец откликается он. — Что ж, мне есть чем гордиться. Данъерх!

ПРОЛОГ

По одному его жесту любитель принцесс заносит скиру, перерубает замок, открывает дверь. Командир, пригнувшись, входит в низкую темницу и озирается — свойски, точно подумывает, не вздремнуть ли тут. Он полностью доволен и собой, и нами, у него отличное настроение. И как только он не понимает...

— Где отец? — Спрашиваю, заступив ему путь. Понимаю, что выгляжу смешно и глупо, может, веду себя как... паж, но не могу иначе. *Скажи, что он ждет внизу. Скажи, что допрашивает коменданта. Скажи, что немного приболел и ждет в лагере за лесом. Скажи...*

Командир прячет усмешку; мог бы отпихнуть меня ленивым движением, но послушно останавливается напротив. Точно оценивает и прикидывает, как унижить больше. Пусть. Плевать. Он мне никто, мне все равно, что он думает, я...

— В бою, ведет флот. — Говорит он строго, словно сражаясь со мной взглядом и насмехаясь: «Что скулишь?» — Там, где должен быть великий король. Ты считаешь иначе?

А я не могу выдержать его взгляд. Не могу, как ни стараюсь, чувствую себя маленьким и жалким, чувствую себя... нет, это неважно, это останется со мной. При дворе живут другие люди. Не то что на диких скалах у голодного океана. Здесь есть правила, и одно из них я так и не выучил. «Особенный» не значит «любимый». Пора учить.

— Нет. — Голос не дрожит. Я почти верю себе. — Я горд его храбростью, просто...

...Просто он не великий. Он вовсе не великий, а я не понимал. Или я считал величием что-то другое, а значит, я во всем виноват сам. Мне никто ничего не должен, никогда не был, разве я сам не обещал себе ничего не ждать, не брать и никому не верить? И, точно прочтя эти мысли, командир вдруг сжаливается надо мной. Отвлекая, говорит шутливо:

— Вижу, ты уже не обходишься без общества принцесс. Молодец.

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

Его люди опять смеются, ёрми тоже. И чтобы никто ничего не подумал, не решил, будто со мной что-то не так, я тоже должен засмеяться. Это просто. Почти как дышать. Ну давай. Сначала улыбаешься — потом смеешься. И я смеюсь, надеюсь, что все, кроме смеха, ушло из моих глаз. Мне не больно.

— Эта принцесса — моя! — Я опускаю кинжал и первым выхожу в коридор. Командир рыцарей, взяв под руку ёрми, выходит следом и снова обращает заинтересованный взгляд на меня.

— Так, значит, ты... еще один принц, что ли? — Ожидая, пока я отвечу, он жестами поторапливает рыцарей, чтобы шли впереди нас на случай засад. — Интересно, надо сказать, ты нравишься мне как-то больше...

Больше, чем Тройняшки, которых легко побить. Больше, чем бесчисленные дети, о которых отец говорит: «Меня должно быть много, но подальше от меня». Больше, чем... котята. Дети драного кота. Я повторяю это про себя, и неожиданно из меня уходит боль, обида, все, что меня мучило, а вместо этого приходит новое. И это новое мне нравится.

— Нет. — Я качаю головой. — Я бастард. И воин.

Ёрми смотрит с грустью, так, будто уже знает о новом чувстве в моем сердце больше, чем я. Может, так и есть. Ей — можно, она всегда была добра ко мне. Но уже на крыльце, когда мы спускаемся и идем к оседланным лошадям, я стараюсь не смотреть ёрми в глаза, спрашивая наших спасителей:

— Значит, вы здесь ненадолго? А... в ваш отряд можно попасть?

Первая ёрми говорила: «Эндре обижен на меня. Ну, за то, что я забрала тебя. Что в ногах не ползала, не просила милости для сиротки, а просто плюнула в рыло и уехала. Но он тебя не получит, нет. Только через мой труп. Только через!»

Теперь я знаю, что значили эти слова. Теперь знаю: когда у меня будут дети, я обязательно поеду спасать их, в какую бы беду они ни попали. Теперь я знаю многое.

ПРОЛОГ

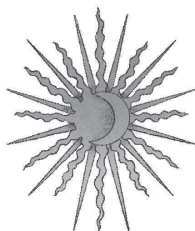

Золото, пламя и изумруды. Развеваятся на ветру зеленые плащи, земля дрожит под конскими копытами. Сильны воины Ойги, тюльпаны на их широких спинах напитались кровью. Смотрит на командира с золочеными наплечниками маленький бастард, ловит каждое слово, гарцуя на молодом коне рядом. Он, кажется, спокоен, счастлив в этот медленно восходящий над беспробудным сумраком час.

Нет, не счастлив. Но он все решил.

Эндре не научился любить даже родных детей, всю любовь оставив себе. Маленький бастард понял это и скоро примет. Он, бесприютный и ищущий, уйдет со знаменитым воином Мáfэцом Непокорным, не оглянувшись на отца.

Эту живую игрушку, выфланную из рук покойницы, Эндре Отважный больше не увидит.

8 ЛЕТ НАЗАД, ЦАРЬ БЕЗ ВОЛИ

Они снова кричат там, в тронной палате, так кричат, что дрожат окошки и все у меня внутри. И хочется зажать уши и бежать, и хочется, чтобы братец с сестрицей тоже все хоть раз услышали, поняли. Но руки ослабли — не поднять; ноги окаменели — с места не сдвинуться, а младшие мои еще малы. Буду одна.

— Глаза-то подними! Неужели стыд взял?

В щелку двери вижу: папенька меряет пеструю мозаику шагами, лязгает каблуками — только с охоты, лохматый, будто пылает в алом плаще, сам не ласковее зверя. Пляшет в свете факелов его длинная тень, пляшут тени на лице. А маменька сорвала голос, ее едва слышно.

— Может, наоборот все, потому ты и злишься? Люди о разном шепчутся. Его не просто так страстолюбцем зовут. Совсем как тебя...

— Не клевети, слышишь? И себя не тешь! Не нужна ты ему!

— Ни ему... ни тебе. Так кому же?

Простые слова, глухие, без всхлипа и оплеухи — но папенька хватает напольную вазу, даренную боярами, и легко, будто глиняный горшок, швыряет в стену. Катится по терему грохот, я прижимаю ко рту ладонь: не выдержал тонкий малахит. Не кричать, не кричать! Жмүрюсь — и снова льну

ПРОЛОГ

к двери, а за ней только дыхание рваное. Застыла папенькина тень.

— Почему не в голову, Вайго? — И легкое, насмешливое эхо: — Чего страшишься?

Тень качается, но замирает вновь.

— Молчи, убью ведь!

— И это будет лучший твой подарок.

Маменьку не видно, но, наверное, она у окна. Расправила плечи, поджимает губы, и разливаются от нее — тоненькой, одетой в белое, как обычно, украсившей себя золотом и жемчугом, — сила и гордость. Холодом своим она побеждает папеньку, всегда побеждает рано или поздно, как метель побеждает солнце.

— Велика честь. — Вновь он медленно ходит кругами. — И жестока плата. — Стараются смягчить голос, даже посмеиваются, хоть и клокочет в смехе гнев. — Пойми, пустое это, надуманное. Грезы девичьи, много вас таких вокруг, а ты-то и не девица уже...

— Не девица. — Она медлит. — Но буду получше их. — Ее голос, наоборот, крепнет, и расцветают в нем ядовитые цветы. — Да поумнее. Успокойся уже, не было ничего и не...

— Раньше надо было лицо держать! — Снова он вспыхивает, рычит глухо. — Видел я все, и не только я, уж поверь, бояре мне чего только не нашептали! Где совесть твоя, где?

— А у тебя никогда ее и не было. Или *он* твоя совесть? Если так, что бы ни было меж нами, меж вами... ему не понравится, как ты со мной говоришь.

Папенька будто спотыкается, возражает не сразу. Шевелит губами: «Меж нами, меж вами...» И лишь потом сужаются, меркнут глаза, став маленькими и злыми.

— Он во всем за меня, — не говорит, чеканит. — И поверь, он тоже не рад царевой жене, вешающейся ему на шею. Как и множеству других жен и не жен.

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

Страшно, хуже брошенной вазы! Как, как он такое — маменьке? Маменьке, с которой раньше прогуливался по Царскому саду каждое росистое утро? Маменьке, которую до недавних пор, хоть принято это лишь у невенчаных бездетных влюбленных, возил на прогулках перед собой, в седле, как спасенную царь-девицу из сказок? Маменьке? Она заплачет сейчас, отпрянет... Нет. Тих ее голос, холоден, как подмерзшая водица в ручье:

— Конечно. Ведь он только твоя вещь. А чья — я? Почему проще-то не сделал, почему не «Выносила детей — да иди вон»? Славных царевен я тебе родила, славного царевича, все здоровые, все смогут править, а ты тем временем как угодно...

Под злой смех папенька опять ищет, что схватить, что бросить, но вокруг — ничего. Только и остается ему слушать вкрадчивое, нежное:

— Все вазы побил. Бедный мой. А знаешь, люди тоже хрупки, легко разбиваются, попробуй, вот, видишь, я тут рядышком... — И выходит она на свет, бело-золотая, жемчужная. — Ты же можешь. Ты *все* можешь. Мы знаем. И я, и бояре твои, и *он*... дети только пока не знают. Но старшенькая скоро поймет.

Старшенькая. Папенька, папенька, свет мой... Я поняла.

Он молчит — замер камнем посреди палаты. Но вот вздрагивает, закрывает лицо, стонет; ерошит, а может, рвет гриву. Не понять до конца, что сказала маменька, но ему больно, а она не бежит навстречу, как прежде, когда он, например, возвращался с войн, когда она прижимала его к себе и запускала в волосы пальцы, и шептала: «Бедовая, бедовая моя головушка», и в шепоте том была нежная гордость. И хочется распахнуть дверь, и подбежать самой, и обнять папеньку, а потом и маменьку, спрятать в ее пла-

ПРОЛОГ

тье лицо и молить: «Не ругайтесь, нет! Прогните лучше тех, из-за кого ссоритесь!»

— Не ругайтесь... — повторяю одними губами, словно молитву.

— Ладно. — Едва узнаю сильный папенькин голос. — Тебе пора, он сейчас придет. Нам нужно обсудить новую крепость на осфолатской границе.

— Как всегда... — Она пересекает залу и предстает близко-близко — ослепительная, злая, спокойная. — Занятные у вас ночные дела. Как быстро крепость рухнет, жарко будет?

— *Это* не терпит. — Он тоже вдруг успокоился, будто враг перегорел. — Не шути так.

— Что ж... тогда я потерплю. Как и всегда. Доброй ночи, Вайго. *Ему* привет.

Шаг. Маменька расправляет плечи. Второй шаг — приподнимает подбородок, блестят мягко серьги — длинные россыпи речных жемчужинок на золотых цепочках. Разворачивается, грациозно подхватывая взметнувшийся белый подол, будто боясь запачкаться об охотничью одежду папеньки и вовсе хоть как-то с ним соприкоснуться...

— Рисса! Подожди!

Пальцы — вокруг ее запястья, шаг — и уже обнимает, прижимает, прячет в светлых волосах лицо, да только объятьем таким можно ребра сломать. Маменька вздрагивает, ей наверняка больно. Не вырывается, терпеливо, опустив руки, стоит, почти утонув в сбившемся кровавом плаще.

— Милая, свет мой, грешен я... кругом. Но сама ведь знаешь, как так вышло.

Маменька молчит. Может, он убил ее уже в своих руках, задушил случайно, как, говорят, душит на охоте зверей, когда у него заканчивается порох?

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

— Знаю я, каково без воли да со мной. Каково вечно с детьми. Как хочется прежнего... — Он понижает голос. — Может, съездишь домой? В ринарские леса, где я встретил тебя? Помнишь, мы стреляли оленей? Я велел сделать тебе корону из их вызолоченных рогов и тогда же сказал, что только тебя, тебя возьму вместо иноземных принцесс...

Она опять смеется. Или плачет, выдав наконец, как ослабла? Из-за него? Или... из-за нас? Маменька, маменька, но мы же не мешаем... мы все с нянечками, не с тобой.

— Довольно у меня воли и здесь. И даже счастья. И дети наши славные.

— Почему же тогда ты к нему...

Откуда силы у нее — вот так разомкнуть и сбросить его руки, отпрянуть? Откуда силы поднять заблестевшие глаза и усмехнуться, будто нож вонзая?

— Потому что потемнела оленья корона. Потому что одного у меня не довольно — тебя. И ты прав, теперь-то, на вас наглядевшись, знаю я: всегда так было. Ничего уже не поделать, у всякой любви есть весна, но всякая весна проходит. А так хочется вторую.

Не пытается больше папенька ее тронуть, беспомощно падают руки.

— И ведь с ним, не с каким боярином... почему? Так люб он тебе?

И снова она смеется и качает гордо головой.

— Потому что и оленей я стреляла тех, которых ты приглядывал для себя. Забыл?

Страшный смех, гроза гремит в словах. Я ее слышу, боюсь, а папенька — нет.

— Злое мое сердце... — шепчет благоговейно и, снова подступив, обнимает ее. — Злой мой свет. Суди, проклинай... но счастлив я, что выбрал когда-то тебя.

ПРОЛОГ

И она сдаётся и крепко сжимает его плечи. И они замирают, и кажется это нежностью, настоящей, добела накаленной... только маменька не смыкает ресниц, глядит в пустоту, и бегут, бегут по лицу слезы. Заледенела. Не согреть.

Отворачиваюсь, отступаю, прижимаюсь к стене виском. Недохну, не шелохнусь, зная: недолгим будет объятие, не спугнуть бы. Они ругаются все чаще. Нет больше прогулок по саду, нет поездок на одном коне. Маменька и папенька вместе лишь на пирах, когда собираются бояре и приезжают гости. При них родителей не разлучить, при них маменька опускает папеньке голову на плечо, а он зовет ее «голубка». Хочу, хочу, чтобы какой-нибудь посол поселился в царском тереме навсегда... Но гости уезжают, а крики остаются.

Много у маменьки и папеньки поводов для ссор, но сегодня они поссорились из-за Грозного. Папиного любимца. Немало у него таких, но этот ближе всех. Я думала когда-то: любимец — пес или ловчий сокол, про человека так не скажешь, но маменька зовет бояр и воевод именно так. Раньше улыбалась, а сейчас хмурится, взгляд отводит. Любимцев много в нашем тереме. Папенька с ними чаще, чем с ней. И...

— Подслушиваешь, малютка? Нехорошо. А ну как батьке скажу?

Ложится на плечо рука, а голос-то бархатный, журчит. Нет, нет, только не он! Грозный! Тоже растрепан после охоты, в грязных алых сапогах, в кафтане, шитом киноварью и серебром, глядит раскосыми серыми глазами, поблескивающими из-за упавших черных волос. Пячусь пугливо: не тронь! А он распрямляется во весь рост и нежно посмеивается, склоняя к плечу голову. Делает шаг. Бряцает палашом на широком поясе. Переливается оправленная в тисненую кожу бирюза, бледная сегодня — дурной знак.

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

— Не шуми, — шепчу, покосившись на дверь. — Маменька... И папенька. Они заняты.

— Вот как? — Приподнимается широкая бровь-полумесяц, такая странная на узком, будто девичьем лице, которому не прибавляют лихости усы. — Ну тогда я с тобой подожду, поговорим пока. Давно я тебя не видел, светлая царевнушка, давно.

И, как ни в чем не бывало, словно челядь, он усаживается на пол подле стены. Поджимает колени, сцепляет на них пальцы. Блестят перстни: яшма и яхонты, агаты и гранаты. Ни один боярин, ни одна боярыня не носит за раз столько красоты; богатством хвалиться в простые дни не принято, золото вовсе дозволено лишь нам. Мне вот пока только сережки разрешают надевать не в праздники. А у Грозного всегда чем-нибудь украшены и запястья, и пальцы, и уши, и шея, и даже волосы... Девица девицей, пусть с усами.

— Ругаются?.. — сдавленно спрашивает вдруг он и потупляет глаза.

Нехотя киваю, не хочу говорить, зареву еще.

— Не из-за меня ли?

Сам ответ знает, но я столь же нехотя вру:

— Не знаю.

Не верит. Умный он, хитрый. И жестокий, говорит ведь:

— Скверно тебе, малютка. Все понимаешь... быть бы тебе дурочкой.

Зачем?.. Щиплет в глазах. Сжимаю зубы, упрямо жмурюсь. А он не смолкает:

— А хочешь, женюсь на тебе? Может, годка через два? В походы буду возить, в жемчуга наряжать! И не будешь ты все это видеть...

Страх какой. Гляжу в упор, по маминим словам знаю: ложь. Буду видеть, буду даже больше, и станет еще больше. Только и могу пролепетать:

ПРОЛОГ

— Не надо, тебе одному хорошо, да и мне...

Грозный, подняв подбородок, смеется: думает, засмушал. Не считает меня дурочкой, но и не ведает, сколь умна. Злой! Замахать бы на него руками, как на большую птицу, заверещать бы: «Убирайся, убирайся от меня, а главное, от папеньки!» Молчу. Такие все они — взрослые. Сулят: «Починю твое счастье» — не ведая, что сами его порушили.

— И правильно. Стар я для тебя. Так, шучу, чтобы не вешала нос. Ну или пугаю...

Грустно он говорит, не воровато, не насмешливо. Нет... не злой вовсе. И жаль его становится почему-то. Нет, не замашу на него руками, не прогоню. Не мне его гнать, он рядом с папенькой был, когда меня на свете-то не было, а маменьки — в наших краях.

— Ты не пугаешь, и ты не старый... — шепчу одними губами и гляжу опять на сверкающие камни. — Красивые у тебя колечки...

И нрав веселый, и лицо красивое, и слава впереди бежит. Так стоит ли удивиться, что маменька хмурится, с болью выдыхая: «любимец»? Все любимцы и любят в ответ только папеньку — мало отличны от верных собак, кусающих всякую чужую руку.

— Хочешь, подарю? — Он улыбается. — У меня их целый сундук. Мамке твоей вон дарю порой, хоть она и братъ не хочет...

А ей не колечки нужны, нет. Ей бы весну.

— Подари мне лучше счастье. — И зачем я сказала такое?

— Было бы оно у меня, малютка... — Он бледнеет вдруг, поднимает глаза к потолку, жмурится. — Все бы отдал. И покоем бы поделился. И с тобой, и с царицей.

Невесело ему, тоже невесело — теперь точно вижу. И, стоя напротив, вспоминаю, с чего начались ссоры из-за

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

него, когда влились в реку прочих ссор. Тогда ведь? Или... раньше?

Было все три недели назад: к нам на пир приехали гости из Цветочных королевств. Папенька решил их, как любит говорить, «потешить», вечно он что-то такое выдумывает: то зовет скоморохов и предсказателей, то стравливает петухов, гусей или собак, то какой-нибудь дружинник для забавы бьется с медведем. Но в тот раз папенька превзошел себя.

Помню: отделанная янтарем и аметистом палата плыла в море запахов, в мареве голосов. Съехались все-все послы, да вдобавок собралась дума, за столами было не продохнуть. Несли румяных лебедей в окружении груш; несли плетеные пироги в виде щук и богатырских щитов; несли тоненькие мягкие крендели с черной икрой; несли медовуху и малиновое вино — в кувшинах и бочках, в диковинном витом стекле из Осфолата и в огромных братинах из чароита. Гости, бывалые даже, изумлялись, а я вот мало чему радовалась, не ела, отмахивалась от нянюшки. Никак не понимала, куда делся папенька, почему маменька сидит одна и кажется встревоженной. Где же царь — гадали все. Не хватало и еще одного человека.

Когда наши гости захмелели, объявили вдруг бой, не на жизнь, а на забаву. И поднялись на возвышение перед столами двое: у одного доспех золотой, у другого — серебряный. Лица скрывали не шлемы — маски скоморошья с яркими губами и румянцем. Ах! Папеньку-то я легко узнала, слишком он высок и плечист. Узнала я и Грозного — он не ниже, но тоньше, ни у кого другого из любимцев нет такой осанки и поступи.

Они сошлись. Лязгнули палаши, стало тихо-тихо. Все притаили дыхание, никто уже не видел яств и вин. Маменька побледнела, привстала; прочие сидели, но тянули вперед головы; совсем всполошились иноземцы. Бились не щадя:

ПРОЛОГ

папенька обрушивался на Грозного, словно желал убить, а он яростно отбивался. И нападал рьяно, не помня, что противник — царь. Так и танцевали они в хмельном дурмане, под музыку встревоженных шепотков. Взлетали над полом, будто ничего не весили. Высекали из стен искры, когда очередной удар не встречал металла. Грозный все чаще устремлялся в атаку. Отец отступал. Наконец...

— Папенька!

Как же я перепугалась, как завизжала, увидев: палаш обрушился отцу на голову! Но это был легчайший удар, клинок лишь прошелся по скоморошьей маске. Она треснула вдоль, открыла лицо. Ответный удар, куда сильнее, пришелся Грозному в корпус, но не лезвием, а ловко повернутой рукоятью. Он упал, и вот уже папенькин клинок у его горла, сапог — на груди. Блестели глаза — и те, что прятались за прорезьями маски, и те, что глядели сверху вниз с веселым торжеством. Стало тихо, но ненадолго. Папенька тишину не жалуется.

— Потешили мы вас? — Он обвел столы взглядом, и все его любимцы, да и все ратные люди согласно, в несколько дюжин глоток загомонили:

— Потешили, государь! — Затопали сапоги, застучали кубки.

— А вас? — цепко глянул отец на стол гостей. — Славны мои обычаи?

Послы залепетали, не отойдя еще от ужасного подозрения, что зазвали их на заранее подготовленное смертоубийство, — хотя некоторые посмеивались, хлопали. И только бояре — большинство, кроме самых молодых, — поджимали губы, не спеша благодарить. Им никогда не нравились папенькины забавы; они предпочли бы скорее приняться за лебедей и сдобных шук, мирно беседуя и поднимая тосты.

— Потешили... — совсем иначе сказал сидящий ближе всех, статный и желтоглазый. — Дотешитесь еще.

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

Хромой Хиндро, только и умеющий считать монетки. Вечно недоволен, не подобрел, даже женившись на маменькиной красавице-подруженьке. Я поглядела на него искоса и опять невольно залюбовалась отцом. Он сиял, никак не успокаивался, упивался одобрительными криками. И забавлялся боярским недовольством и посольским недоумением.

— Ты сломаешь ему ребра, Вайго! Прекрати!

Ясно прозвучало это, звонко, ведь заговорила маменька, и на первом же ее слове прочие голоса стали волной затихать. А когда она выпрямилась, даже воеводы гоготали уже не так лихо. Маменька вышла из-за стола, обошла тех, с кем сидела, и поспешила на помост, с тревогой глядя на распростертое тело. Потянула руку, будто желала помочь встать...

— Не ломает, царица. Благодарствую, но не так это просто.

Пока она шла, папенька освободил Грозного от тяжести сапога и сам протянул ладонь. Легко поднял, обнял, что-то пробормотал на ухо, касаясь его губами. Замерла мама, застыла и я: будто что подглядела. Грозный же, отстранившись, снял маску — и алое закапало на самоцветную мозаику. Губы его кровили: видно, разбил, когда упал, но за кровью цвела улыбка. Дерзко глянув вокруг, отбросив за плечо черную прядь, он произнес:

— Негоже государю нашему за масками прятаться. И вокруг их предостаточно.

Снова сердито зашептались бояре. Много, много было шепота.

— О чем ты, свет мой? — Папенька прищурился, медленно оглядел залу. — Вижу здесь только самых честных людей, у которых что на лице, то и на сердце.

Ратные снова засмеялись, косясь украдкой на бояр. Грозный вытер кровь с губ так залихватски, что теперь капли

ПРОЛОГ

попали прямо папеньке на доспехи. «Свет мой!» И это ему?!

— Все в масках, до единого! Ты приглядишься. А еще лучше — пожалуй каждому по чаше вина, маски и спадут. — Он подмигнул. — И мне за потеху. Мою маску... — снова он ненадолго спрятал лицо за скоморошьею ухмылкой, — ты хотя бы знаешь. Она никогда не станет другой для тебя, как и твоя — для меня.

И снова ожило вдруг перед моими глазами: губы, касающиеся мочки уха, звенящей там серебряной серьги... Папенька широко усмехнулся, но ответить не успел.

— А какую маску носим мы, твоя царица? — тихо спросила маменька, стоявшая все это время подле них. — Если ты так зорек, воевода, расскажи нам...

Грозный повернулся к ней, еще раз вытер губы. Она все смотрела не то с грустью, не то с жалостью, не то с обидой — не понять. Ждала. Грозный сощурился, склонился немного ближе: тоже будто сказал ей что-то, но без слов. Наконец улыбнулся.

— Я не зорек. Но маска твоя, царица, — Луна. Не та, что над Осфолатом красуется, а та, которую солнце затмевает. Редко она сияет, но сияет, и все любят ее, даже само солнце. Сияй же и ты, царица. Спасибо за твою тревогу.

И он поцеловал ей руку окровавленными губами — заалел след на белой коже. Глубоко поклонился, первым спрыгнул с помоста и пропал среди одобрительно вопящих воевод. Не сел сегодня с папенькой, уступил место главному из послов — рыжему, холеному... жителю каких-то там вулканов, на которых армия хотела закупить лошадей.

Пир продолжился. То и дело маменька искала кого-то в толпе, а вот на папеньку сердилась: не оживилась, когда сказал тост, не танцевала, а только печалилась до самой зари. И не стерла, так и не стерла кровавый поцелуй. Луна. Почему же луна? Как странно все...

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

Да. Да, точно, тогда все и испортилось. Из-за слов, из-за боя и из-за шепота на ухо. Я все время ведь думаю о том вечере, думаю и должна, может, спросить, но...

— Идут! — Грозный поднимает голову, вскакивает. И правда, там, в палате, шаги. — Беги, малютка, будут ведь ругать.

Да: шаги по ту сторону двери — легкие, маменькины. Она мне такого не простит, от нее нужно прятаться. И я, едва кивнув, срываюсь с места, мчу что есть сил, подобрав платье. Не добежать до поворота коридора, не успею... ныряю в стенную нишу, к старому ларию, и снова осторожно высываю нос. Не кончилось ничего. Только начинается.

Грозный уже у дверей, когда маменька с усилием отворяет их. Он помогает удержать створку, накрывает ее руку своей. Маменька замирает, голову вскидывает. А другая ладонь ее тут же тянется, будто к его щеке, почти касается... нет, маменька, не тронь!

— Не мучь его. — Блестят перстни на удержавших руку пальцах. — Не надо.

Он шепчет, почти не размыкая губ, но слышно, все слышно в наших гулких древних коридорах. Маменька вырывается, отступает, и опять вижу я ее обиду. Бедная...

— Настолько я подурнела, настолько стала гадка?

Кажется, она чуть не плачет. А я так хочу выскочить и взять ее за руки.

— Ты... — Грозный запинается, а ведь не бывает с ним такого. Потерялся он в словах, снова почувствовал вину. — Что ты, никого нет прекраснее. И бежать бы прочь.

Она не поворачивается больше, не глядит на него, говоря:

— Не смей жалеть меня. Не побегу. Не надейтесь.

— А что же, нужно бы надеяться? — спрашивает он вдруг. Не ласково уже. Насмешливо, грозно, гордо. И маменька тоже усмехается. Смех ее — словно надтреснутый звон.

ПРОЛОГ

— Сам бы и бежал. Много у тебя врагов, свет мой, и грехов много, слушай свою царицу. Ясного вечера, ясной ночи вам обоим. И вашим недостроенным крепостям.

«Свет мой...» Снова. Летит белый подол, подхваченный легкой рукой. Маменька уходит быстро, не замечает меня. Грозный, точно ударили его, глядит ей вслед с окаменевшим, ожесточившимся лицом. Отворачивается наконец — и сам открывает тяжелые двери.

— Звал меня, мой царь?..

Скрывается его силуэт, и настает тишина. Ничего уже не слышу, но точно вижу: там, в палате, снова объятие — иное, одинаково крепкое у обоих. И губы папеньки, шепчущие в смуглое ухо, где звенит серьга — не жемчужная нить, но сверкающее кольцо: «Любимец...»

Не могу, не могу больше! Выскакиваю из ниши, бегу что есть сил прочь. Реву в голос, размазываю кулаками слезы, спотыкаюсь, отталкивая попадающихся изредка стрельцов и слуг. Оставьте меня! Все! Пропустите! Дальше, дальше, дальше, а в голове:

«Не ссорьтесь».

«Подари мне лучше счастье».

«Не мучь его».

Стыдно мне плакать... но меня есть кому утешить. Надо только добежать.

Долго ли еще гореть нежной звездочке, долго ли звучать смеху на пирах, долго ли плясать скоморохам и сверкать стали? Беда у ворот, беда в темном лесу ходит тропами зверей, беда — в расписных палатах царя и царицы. У беды много обличий и голосов. Всем, кто побежит от беды прочь, она отсечет и ноги, и головы. А обугленные кости свои беда оставит стеречь чудовищ, и будут чудовища ждать того, кто повторит историю.

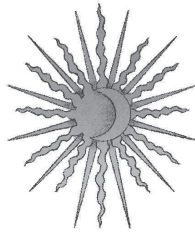
ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

Но когда почернеет обожженный небосклон, вместе вспыхнут там две новые звезды и вместе поднимутся — высоко, каждая над своим горизонтом. У первой горизонт устлан будет полями и изумрудными чащами; вторая станет странствовать от заросших кровавыми тюльпанами холмов к мерзлой Пустоши.

Однажды звезды встретятся, и света от их схлестнувшихся лучей станет столько, что озарят они полмира. Однажды пролитая кровь станет знаком их верности друг другу, а серебро — знаком верности своей клятве. Но недолго светить и им. Яркое сияние утонет в собственном отражении в чароитовой чаше.

И померкнет.

Часть 1
ВЕЛИКАЯ СМУТА

1. Козел в огороде

Девчонка была еще далеко, очень далеко. Ее отряды не преодолели и трети пути до столицы: то в одном, то в другом городе встречали какое-никакое сопротивление. Но порой Хиндро казалось, он не то что слышит тяжелую конскую поступь и шелест стальных крыльев, но даже чувствует, как *она* дышит в затылок. В туманных видениях на грани бессонницы и дремы то и дело чудилось: она мчится к воротам на вороном коне. Щурит синие глаза, облизывается на стены Ас-Кованта, нахально улыбается. По слухам, у маленькой мерзавки белозубая улыбка отца – ее так глупо и страшно умершего отца, Вайго VI Властного, последнего государя Первой Солнечной династии.

Проклятье. Проклятье. Проклятье!

Впрочем, чего только не молвит суеверный люд. Трупы, тем более обгоревшие до костей маленькие девочки, не встают из могил и определенно не вырастают в королев. И если верность и даже веру окраинного сброда можно купить обещаниями лучшей жизни, то здесь, в сердце страны, не откроют ворот, не преклонят колен перед дрянной подстилкой Луноликого – королевича ли, короля, плевать. Здесь-то знают: иноземец хуже боярина. По крайней мере, пока полны амбары, пока не перебита вся армия. Впрочем, до этого, увы, недалеко.

С трудом глотнув воздуха – жадно, рвано, – первый правитель Второй Солнечной династии, Хиндро Всеведущий,

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

улыбнулся. Отвел взгляд от окна, за которым уже рассвело, обернулся, внимательно посмотрел на племянника. Разговор затянулся на добрый час, пора бы заканчивать. Скоро на молебен, помолиться есть о чем.

— Помни, мой свет, — напутствовал он напоследок. — Люд кормится домыслами и надеждами. Самозванке присягают даже в городах, куда еще не дошли войска Осфолата. Если зайдете в такой, вас перережут. Будь осторожен. Иди лесами, тихо. И не отпускай ертаульных¹ далеко.

— Да, дядя.

Бледное лицо Хельмо казалось непривычно ожесточенным, но тревога делала серые глаза лишь огромнее. Вырос, минуло двадцать, возмужал, и ростом выше большинства воинов, а глаза — детские. Может, поэтому сложно принимать с ним серьезный вид. Давать такие указания. И мириться с тем, что вообще положился на него — вчерашнего мальчишку, в которого многие ратные почему-то верят настолько, что от желающих примкнуть, стоило кинуть клич, не было отбоя. Выискалось их куда больше, чем готовых защищать столицу. Впрочем, в том Хинсдро видел и второе дно: возможно, «желающие», чуя беду, просто ищут повод убраться прочь, с кем угодно. Дураки забывают: беда не приходит одна. По всему Дому Солнца гуляют уже беды.

— Ты точно продержишься? — Голос Хельмо упал; он нервно убрал со лба выющую русую прядь. — Я ведь не даю сроков. Пока дождусь наемного войска, пока мы двинемся обратно... Если Диміра... — он торопливо поправился: — Лжецаревна осадит столицу...

Хинсдро снова улыбнулся, в этот раз откровенно желчно.

— Осадит, не сомневайся. Но не войдет, у меня довольно сил, к тому же не забывай о дополнительных оборонных

¹ Разведчиков, лазутчиков (в соответствии с допетровской терминологией).

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

башнях, которые вот-вот достроят. Если быть честными, я ведь, скорее, рискую тобой, Хельмо, чем собой. Не даю тебе нормального сопровождения. И это не говоря о том, что мне не предсказать поведение язычников. Я все еще не избавился от мысли, что просто пускаю козла в огород. Ты так не считаешь?

Улыбка увяла, не нашлось сил ее удерживать. Чем ближе было осуществление плана, тем провальнее он выглядел. «Козел»... Так и есть. А бояре-то, которым зачитали царский указ на последнем заседании Думы, наоборот, ликовали! Им козел в огороде неоспоримо доказал желание государя любой ценой спасти страну, готовность к огромным рискам. Впрочем, на то и рассчитывалось, нельзя было сидеть без дела дольше: скинут как пить дать. Главное, чтобы раньше времени не дошло все до лишних ушей.

— А ну как они просто порешат тебя и начнут *свою* интервенцию? — вяло, мрачно закончил Хиндро то, что говорил уже не раз. — Неужели не боишься?

Первое его, конечно, тревожило, но, учитывая высоту ставок, меньше второго. Все-таки племянник давно стал почти чужим, прошла нежность давних лет. Исчез смиренный мальчик-сиротка, на уме давно одни подвиги. Хочет подвигов? Побудет разменной монетой, не мелкой и не крупной, в самый раз. А вот вторая опасность пугала, но пока Хиндро старался не сосредотачиваться на ней. Все усталость... Он охнул сквозь зубы и потер ноющий висок. В длинных волосах за последние недели седины прибавилось больше, чем за год, да и лезут клочьями. А как обозначились едва заметные прежде морщины, как разнылась проклятая нога... смотреть на себя страшно, в голову собственную заглянуть — еще страшнее. Не зря, наверное, мерещатся порой в зеркале черные провалы вместо глаз.

Хельмо глядел молча, тепло, и ни упрека не сорвалось с тонких губ. Стало противнее, то ли от него, то ли от себя.

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

«Да, дядя, пойду на убой, если пошлешь, слова не скажу». В герои рвется, но наивный — страсть. И как так? Отец и мать — интриганы, бодовые головы — такими не были, Хиндро ли не знать сестрицу, одарившую хромотой? Нет, не в нее Хельмо и не в ее аспида-муженька, разве что отвагой. Все остальное — *этот*. Лукавый...

— Ничего, риск — нужное дело, — раздался наконец ответ. Хельмо по дурной привычке глядел неотрывно, будто в душу, и глаза захотелось отвести самому. — Я обязательно доберусь до Инады. И как-нибудь договорюсь, я много об этом думал. У нас пока нет причин сомневаться в их честности. Короли ведь уже дали согласие, армия в пути?

Причины сомневаться в честности — даже союзников, особенно их — есть всегда, но мальчик нескоро дойдет до этого сам. Возможно, так и умрет от дружеского ножа в спине, не поняв простую истину. Но Хиндро с напускным одобрением кивнул, прошел к столу и взял плотную, убористо исписанную бумагу — соглашение, уже с печатью и подписью. Несколько движений — бумага свернута. Красно-золотое сургучное солнце блеснуло в бледном луче солнца настоящего, но напомнило, скорее, толстого паука. Хельмо, помедлив, осторожно уточнил:

— Здесь — о денежной части награды, верно?

— Верно. — Хиндро начал аккуратно перевязывать свиток плотной лентой из размягченной змеиной кожи. — Все, как я оговорил. Две тысячи золотых на каждого наемника. Офицерам — согласно рангу, кому втрое выше, кому и на порядок. Часть повезете с собой, часть будет позже.

— А ты уверен...

Хельмо мазнул взглядом по бумаге и все же потупился. Цифры он видел: подпись заняла место на договоре в его присутствии. И даже его, юного дурня, знающего количество пушек в гарнизонах, но никак не монет в казне, наверняка смутил размер выплат. Да только его это не касается. Хель-

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

мо — младший воевода, один из многих. Младший, на которого свалилось чудо — внезапное повышение и, по причине кровного родства с государем, дипломатическая миссия, заключение военного союза с иноземцами. Надежда погибающей страны, других-то взрослых родственников у Хиндро нет. Должен ценить и не совать нос куда не просят.

— Да-да, Хельмо? — Хиндро посмотрел на него в упор. — Что тебя тревожит?

Он знал: взгляд его желто-карих глаз из-под густых черных бровей непросто выдержать. Племянник почти неизменно, даже в малолетстве, выдерживал, чем злил только больше. И все же взгляд, как и вкрадчивый тон, как и хруст разминаемых пальцев, его отрезвил.

— Ничего, дядя. Я рад, что ты можешь взять на себя такие обязательства. Ты щедр...

Ох. Не знай Хиндро, сколь прост племянник, заподозрил бы издевку. Но Хельмо говорил без подвоха, и, кажется, он-то с каждой минутой все больше верил в сомнительную кампанию. Неудивительно: старик-звонарь — как звали? — в детстве перекормил его сказками о диком народе, обитающем на Пустоши Ледяных Вулканов. Выросшему Хельмо уже случалось встречать иноземцев, самых разных: и кочевников, и осфолатцев, и купцов Шелковых пустынь, и рыцарей Цветочных королевств. А вот с огненными язычниками он не общался. Неудивительно, что помимо гордости его донимало любопытство, а от любопытства до надежды — шаг.

— Конечно, могу, свет мой. — Хиндро завязал ленту и вручил бумагу Хельмо. — Я всегда исполняю обещания. Тем более от этого слишком многое зависит. Мы в ситуации, когда поступить правильно очень сложно, а вот погубить все — совсем легко.

— А что насчет второй половины соглашения? — Договор уже исчез за подкладкой красно-серого кафтана, отороченного по рукавам и вороту лисьим мехом.

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

— Ключи я тебе пока не дам. Не обессудь.

В воображаемом плане разговора этот отказ занимал едва ли не важнейшее место — может, поэтому слова сорвались спешнее, чем Хиндро хотел. Тем не менее, выпалив их, он почувствовал даже некоторое облегчение: сказанного не воротить. Осталось только выдать какое-никакое пояснение и готовиться к обороне.

— Ты удивлен? Не понимаю, чем. Разумеется, их главнокомандующий получит ключи из моих рук, когда наши земли будут освобождены или хотя бы на две трети очищены. И хорошо бы, — с каждой фразой ослабший было голос Хиндро крепнул, — Самозванка к тому времени была мертва, пленена или хотя бы бежала. Так и передашь, если офицеры спросят. Впрочем... — он вернулся к столу и взял вторую, заранее запечатанную бумагу с золотым сургучом, — условия прописаны в отдельном соглашении. Все честь по чести.

Хельмо слушал сосредоточенно, не меняясь в лице. Но он неплохо собой владел, об этом стоило помнить: в его голове могли роиться любые мысли, вполне вероятно, не самые лестные. Предупреждая споры, Хиндро подступил к племяннику ближе, вручил вторую бумагу и, когда тот спрятал ее, сжал узкое, но крепкое, точно камень, плечо.

— Поверь, мое слово, печать и подпись — достаточные гарантии. А когда отдашь часть платы вперед, прямо при встрече — а ты это сделаешь, — они совсем уверятся в нашей честности и будут лизать тебе руки. Они же дикари, Хельмо. С такими деньгами, да еще с таким *довеском*, они должны счесть наш союз даром небес, или где там обитают их божки?

Определенно, Хельмо не был убежден; он и в детстве-то щетинился, когда обещания, планы, даже правила игр нарушались, пусть в мелочах. Хиндро с трудом удержал досадливое рычание, когда, глубоко вздохнув и словно что-то решив, племянник снова поднял глаза.

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

— Дядя, — медленно, но жестко начал он.

— Да, мой свет? — С немалым трудом удалось принять участливый ответный тон, не подразумевающий приказа закрыть рот.

— Ты правда отдашь им Эрейскую долину? Салару, Гомбрегу, Эйру? Все те земли?

«А что еще? Тебя в королевские пажи?» Мысль была злой, но, разумеется, непроизносимой; вместо нее Хиндро — после вздоха, скорбного сдвигания бровей и усталого потирания лба — слегка сжал руку на рукаве племянника и ласково, как учитель, наводящий ученика на решение простейшей задачки, задал ответный вопрос:

— Видишь иной способ их привлечь? Острара обширна и щедра, а долина в упадке еще со времен Вайго. Нас не убьет. Да и как не пожалеть дикарей, которым негде растить хлеб?

И никто не отменял вероятность того, что дикари, по крайней мере, бóльшая часть, полягут в бою: армия Самозванки сильна, с крылатыми тварями — сильнее втрое. А если язычники и доберутся...

— Какие времена — такая расплата, Хельмо. Мужайся.

...Если язычники и доберутся сюда, то по пути наверняка что-нибудь учинят: разорят город, сожгут деревню, осквернят церковь. Или устроят дебош в столице?

— Это жертва. Я понимаю. Но сейчас она необходима. Верные союзники заслуживают самых щедрых даров. Ты не согласен?

...Да. Лучше — беспорядки прямо в столице, тогда будет еще и железное свидетельство иноземных послов. Дурная слава побежит по континенту, и все неудобные обязательства можно будет забыть. От мыслей, давно и неоднократно рассмотренных со всех возможных сторон, Хиндро даже начинало казаться, что на первое время козел в огороде не страшен. В конце концов, козел — это и мощные рога, и не

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

слишком-то большой ум, и пусть хлипкая, но веревка, на которой козла будут водить мимо чужой капусты... Веревка в руках Хельмо. Недалекого, зато верного.

— Да, дядя. Ты прав.

И Хиндро особенно ласково улыбнулся племяннику, прошептав:

— Что бы я без тебя делал? Как буду?..

Что-то дрогнуло в точеном лице Хельмо, и он, гремя оружием и кольчугой, порывисто опустился на колено. Его голос по-детски задрожал.

— Ты очень мудр. Я буду спешить всеми силами. Береги себя и Тсино. Береги народ.

Он говорил, глядя не в глаза, а в мозаичный пол. Говорил и не видел, что улыбка Хиндро стала шире. Как... трогательно, пожалуй. Словно в сказаниях.

Слово, правда, громкое. Он, может, и не мудр, но умен достаточно, чтобы удерживать престол целых семь лет. Достаточно, чтобы просидеть дольше и передать корону сыну. Достаточно, чтобы расправиться с мерзкой самозваной царевной и Луноликим королем, далековато потянувшим грязные надушенные лапы. И, вне всякого сомнения, ума должно хватить, чтобы управиться с язычниками.

— Помни, все к лучшему. — Хиндро потрепал племянника по волосам, потом, наклонившись, неохотно поцеловал в высокий, прорезанный парой слишком ранних морщин лоб. — Ведь у меня есть ты. Благословляю.

«Ну а сгинешь героем — значит, сгинешь. Вслед за...» Впрочем, поганое имя уже отдавалось сегодня набатом в мыслях. Хиндро не хотел произносить его даже про себя.

— Спасибо, дядя. — Хельмо поднялся.

— Тебе пора. — Хиндро плавно отступил к столу и оперся на него ладонями. — Выйдешь с частями Первого ополчения по западной дороге, навстречу Самозванке. На при-

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

вале — свернешь, двинешься своим путем. Кто нужно, все предупреждены.

— Хорошо.

— Берегись. В городе, да и в войске тоже, смутьяны и соглядатаи лунных уже завелись. Режь, не щадя, если кого-то заподозришь. Иначе прирежут тебя.

Хельмо кивнул, но Хиндро знал: это вряд ли. Хельмо не любил расправ, ограничивал телесными наказаниями, да и те еле переносил, крики резали его по живому. Он пока не понял: времена переменялись. Какие времена — такая расплата. Именно это была правда.

— Ну, прощай. Даст бог — свидимся.

Хельмо вышел. Хиндро снова посмотрел в окно — на пустой двор, на резные терема бояр и воевод, на высокие головы Шести Братьев — главных храмов, видных из любой точки города. Купола переливались розоватым перламутром, лазурной синевой, малахитовой зеленью и глубоким антрацитом. На шпилях золотились солнечные знаки. Ас-Ковант — наполовину деревянный, наполовину каменный, древний, великий, не знавший захватнической руки — дремал под поцелуями зарниц. Радовался тому, что ушла Белая Вдовушка, а пришла на ее место Зеленая Сестрица — с набухшими почками, быстрыми ручьями, голосистыми птицами и густой травой. Правда, с одной Сестрицей пришла и другая — златокудрая, синеокая, повенчанная с лунным королевичем и удивительно полюбившаяся многим. Лусиль, говорящая, что настоящее ее имя — Димира. А с Лусиль — рати конные, пешие и крылатые, с Лусиль — бунты, страшные слухи и толки о делах забытых.

Хорошо, что Хельмо — как и большинство тех, кто не был в свое время убит, не переметнулся к врагам и не пал в новых сражениях, — ничего об этих делах не знал. Иначе едва ли так трепетно и доверчиво подставил бы лоб для благословения.

На ветру Хельмо полегчало — как всегда, с каждым дуновением, невесомо ободряющим: «Все сладится». Ветер Зеленой Сестрицы был ласковее поцелуев, светлее смеха. Хельмо улыбнулся, украдкой оглядевшись и убедившись, что двор пуст. На свободном, чисто выметенном пространстве не было никого, кроме привязанного к кольцу в стене, явно застоявшегося белого коня-инрога¹ — Илги. Приблизившись, Хельмо погладил его узкую морду, легонько почесал широкий лоб и потрепал за тут же задергавшимися ушами. Илги фыркнул и мотнул головой, словно рогом хотел ткнуть хозяина в нос.

— Доволен? Не скоро теперь отдохнешь. А может, вовсе не придется.

Илги имел право сердиться: почти все время, что бегновалась Вдовушка, он провел в столице. Хельмо не доверяли ничего, кроме редких вылазок — погонять то шайки со стрельцами Разбойного приказа, то волков — со стрельцами Лесного. Молодого воеводу, который с двенадцати лет показывал себя в боях, а к шестнадцати уже собрал первую дружину, задевало это пренебрежение. Слова, что его «берегут до поры» не утешали, казались способом заговорить зубы и напомнить: «Сирота ты, некому отрягать тебя на большие дела». Хельмо, к счастью, ошибся. Действительно нашлось дело, и поручил его сам дядя.

Дядя. В тайных мыслях он так и оставался «отцом».

Родителей не стало еще при прежнем царе, Вайго VI. Тогда, семнадцать лет назад, армия Оstrarы была велика, страшила соседей. Укрепляя границы, особенно с Осфолатом, Вайго присоединил немало земель, а среди его воевод на важных местах стояли отец и мать Хельмо. Оба пали,

¹ Единорога.

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

штурмуя вольный город. Сражались там отчаянно, к концу осады погибло столько воинов, что хотя увенчалась она победой, Вайго наконец внял увещаниям Думы и приостановил походы. Впрочем, ненадолго: к концу его жизни вольных земель не осталось вовсе. Дом Солнца и Дом Луны, величественные осколки канувшей в небытие Поднебесной империи, замерли лицом к лицу и подписали зыбкий мир.

Хельмо не помнил родителей — видел разве что их парсуны в одной из служильных книг, хранивших лики государевых любимцев. Беспмятство освободило его от скорби. Он воспитывался материным братом Хиндро, знал лишь его заботу. Знал и помнил, хотя на отцовство это походило только первое время. В малолетстве дядя не жалел времени на разговоры и игры, помогал в каждой беде. Но вскоре у него, поздно, зато по любви женившегося, появился собственный сын, безраздельно завладевший его вниманием. Окончательно все переменялось, когда дядя похоронил молодую жену и стал государем. Детьми государевыми были уже все жители страны.

Незыблемым оставалось одно: едва научившись ходить, говорить и думать, Хельмо старался лучше проявить себя. Не сиротствовать — достойно идти по семейному пути. Благодарить дядю за то, что в самые беззащитные годы ни дня не знал холода. Поэтому теперь он так радовался делу и не страшился сопряженных с ним опасностей. Если бы все удалось, он спас бы Дом Солнца. Своего царя. Отца.

До выхода войск из города оставалась пара часов. Вещи собрали, обозы уложили, с людьми все оговорили, и время можно было провести праздно: например, проехаться по сонным улицам. Попрощаться с площадями и храмами, бойкими рынками и длинным речным портом, заглянуть в Царский сад, где распустились на деревьях первые почки, а из земли несмело пробились пушистые желтоцветы. Удастся ли вернуться? Дядя прав: с горячкой, в которой мечется

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

страна, не угадаешь, не убьют ли тебя завтра, не окажутся ли за красующимися на шпилях очередного города солнечными знаменами лунные. Такое случалось и прежде, а ныне, судя по докладам частей, воюющих с Самозванкой, — все чаще. Смута расползлась и впрямь не хуже заразы, захватывая и крепости, и колеблющиеся сердца. Впрочем, все вело к ней давно. Так стоит ли удивляться?

Со дня, когда Вайго Властный запер двери старого дворового терема и сжег его, прошло около семи лет. В пожаре погибло все царское семейство, немало дворни и охраны, несколько бояр и боярынь, в том числе дядина жена. О том, как страшно пресекся царев род, до сих пор шептались, выдумывая кто во что горазд. В одном были едины: Вайго обезумел. Государь, показывавшийся не раз в окнах среди пламени, смеялся, и проклинал пытавшихся попасть к нему пожарных дружинников, и палил в них из мушкета. Одного, который добрался до окна, Вайго со всей богатырской силы швырнул вниз. Бесы попутали, так говорили все, кто видел случившееся. Тем страшнее было безумие, тем истощнее молили о помощи царица, и мальчик, и девочки... или девочка? Они были очень похожи.

Хотя обеих вроде бы нашли среди сгоревших тел, это не помешало объявившейся Самозванке утверждать, будто она — чудом спасшаяся царевна Димира. Едва ли обману удалось бы пустить корни, но за плечами «царевны» стояли Луноликие: королевич Осфолата Влади и король Сивиллус. Интервенция началась удачно: некоторые в приграничье — те, кому Лусиль посулила справедливость, свободу, награду, — примкнули к ней; другим не понадобилось даже посулов, хватало взгляда в юное лицо, действительно напоминавшее лицо покойного царя. Народ тосковал по правителям Первой династии, лихим и радушным — вот и обрадовался. Осторожный боярин Хинсдро устраивал не всех. Нового царя и прозвали иначе: Гнилым, — за то, что, вос-

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

становившая страну, сильно поднял налоги и прошелся казнями по инакомыслящим; Сычом — за то, что всех чурался: прежних друзей-бояр, воевод, иноземцев. Казалось, одно на свете существо он любил. Одно, которое...

— Хельмо! Хельмо, подожди!

Прозвенела по двору трель, и Хельмо послушно замер с золочеными поводьями в приподнятой руке. Конь дернул ушами, и вскоре к нему, топая и оскальзываясь на грязи, подбежал худенький черноволосый юноша — впрочем, все же мальчик. Мальчик этот восторженно оглядел Илги, потом еще более восторженно — Хельмо.

— Увидел тебя в окне! — зачастил он. — Как я рад! А отец говорил, у тебя не будет ни минуты. Ты уже в путь?

Дунул ветер, растрепал волосы. Смешно мотнулась косматая голова.

— Уходим в полдень, — пояснил Хельмо. — Сейчас я... по делам. Я тоже рад тебе, Тсино. Разлука будет долгая. Ну... — Он легонько потрепал гриву фыркнувшего Илги и подмигнул: — Как сегодня? Есть для него что?

— Есть, есть! — Тсино полез в карманы наспех накинутого золочено-оранжевого кафтана и вынул несколько крупных кусков колотого сахара. — Можно?

— Можно. Мне-то его в походе не побаловать, пусть радуется.

Тсино стал кормить инрога. Ветер все ерошил мальчику космы; он то и дело нетерпеливо стряхивал их с лица. Речь, обращенная к Илги, звучала ласково, но слов Хельмо разобрать не пытался — лишь отрешенно наблюдал. Привычно думал: жаль, не удалось избежать встречи. Ну... хотя бы коню приятно. Одергивал себя: нет, нельзя так. Стыдно.

Тсино был единственным сыном дяди и пошел в него: такие же густые черные кудри, пытливые желто-карие глаза, острые скулы. Отличала Тсино лишь необычайная долговязость, из-за нее он казался старше своего возраста. С Хельмо

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

их разделяло чуть больше восьми лет. Как раз когда Хельмо было восемь, новорожденный малыш окончательно отделил его от дяди. Да и прежде появлялось все больше наемных учителей – бесконечно втолковывавших свои уроки блеклых фигур. Появился и Грайно. Дядя же отныне отдавал все незначительное свободное время долгожданному сыну и жене. Хельмо видел его мало, быстро перестал навязываться: тетя Илана – юная, красивая, но злая – его не привечала, однажды так и сказала: «Да что же ты под ногами у нас все вертишься? Уже большой, скоро свою семью заведешь, а все отца выискиваешь! Не отец он тебе, не отец! Не был, тем более не будет». Тогда слова ранили. Но, взрослея, Хельмо смирился. Справедливо же: дяде с ним и было непросто, он «шел в мать», много своевольничал. Разве не заслужил дядя более примерного отпрыска? Бог его услышал, Тсино рос покладистее: не задавал неудобных вопросов, не дерзил, не сбегал. Бесенок вселялся в него только в присутствии «братца».

Тсино обожал Хельмо с минуты, когда, будучи трехлетним несмышленьшем, увидел его в коридоре – облаченного в кольчугу и алые сапоги, заглянувшего к дяде после учебного боя. Малыш, немислимым образом вырвавшись от няньки, ухватил Хельмо за плащ, потянулся к прятавшемуся за сапогом ножу и счастливо залопотал, распахнув тогда еще ярко-желтые, словно у птенца, глаза. Это повторялось каждый раз: Тсино, завидев Хельмо, мчался к нему. Звал братом, хотя разница в их возрасте была слишком велика, чтобы сближаться, да и дядя единодушно с ратными считал, что «негоже воину нянчиться с несмышленьшем». Хельмо был благодарен. Ему и так стоило усилий укоренить в голове и сердце понимание: малыш не виноват, что все стало так. Время Хельмо прошло, правда ведь пора взрослеть.

Подрастая, Тсино во всем тянулся за «братцем»: изучал военное дело, читал те же книги, требовал шить себе та-

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

кие же кафтаны. Полюбил и охоту, и богослужения: Хельмо нравились псалмы, он посещал храмы даже вне служб. И хотя под журчание монашеских голосов Тсино засыпал, он таскался по пятам. Постепенно Хельмо привык. К «младшему», к царевичу, к существу, которое – десятилетним, забывшимся в угол храма мальчиком – проклинал. Он давно не держал на Тсино зла, единственным следом задуманной обиды была тоска, а сейчас к ней прибавилась тревога. Чего травить душу себе и ему?

– Какой же он у тебя хороший, – тихо сказал Тсино, наблюдая, как конь слизывает с ладони крошки сахара. – Его там не убьют?

– Надеюсь, – отозвался Хельмо, ощущая все же холодок меж лопаток.

Он еще не терял коней; Илги помнил колченогим жеребенком. Илги подарил Грайно, он же научил заботиться: и мыть, и кормить, и осторожно полировать костяной рог. Острара славилась лошадьми этой породы – белыми, черными, серебристыми. Они жили табунами на морских берегах, обожали соль, но не могли устоять и перед сахаром. Инрогов любили воеводы и знать. Хельмо мечтал о таком с детства, но дядя считал это баловством. Как он усмехнулся, впервые заметив невзрачное еще, подслеповатое животное в своей конюшне: «Нахлебника лукавый герой подкинул?» Но тут же смилостивился, смягчился, сам, вздохнув, принес жеребенку миску подслащенного молока.

– А, что это я. – Тсино улыбнулся и отряхнул ладони. – Под хорошими воинами коней не убивают, такая поговорка?

– Такая. Только не всегда это правда. Будь поосторожнее, Тсино. Отца береги...

Сердце кольнула отчего-то память о той миске. Тсино же мечтательно зажмурился.

– Жаль, мне с тобой нельзя. Интересно это – война... может, я бы поймал Самозванку!

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

— Или она тебя, — хмыкнул Хельмо, бегло подумав, что «интересно» — не о войне. — Лучше занимайся поприличнее, стратегию изучай, книги иноземные, которые я тебе дал. Когда-нибудь будешь не полком даже командовать, а армией. Так все правители делают.

— Папа не делает. — Тсино открыл один глаз, затем второй. — Он и меча не носит...

Дядя действительно не знал битв — в одной-двух участвовал лишь в юности. Дальше он отдавал сухие распоряжения и препоручал руководство «тем, кто научен». Это тоже настраивало многих против него, особенно воевод и ратников. Правители Первой династии все были воинами; один Вайго стоил в бою десятка человек и парочки львов.

— А ты будешь.

Тсино просиял. О сражениях он грезил, но — на сей счет Хельмо был спокоен — наказ не покидать столицу должен был исполнить. Слово отца было для него золотым. Слово «братца» — булатным.

— Если вдруг убьют меня, — точно будешь. Отомстишь?

Он сказал в шутку, посмеиваясь, но тут же пожалел о словах.

— Хельмо-о-о! — Тсино провыл это, мгновенно перестав улыбаться, ухватил его за руку, обнял и уткнулся в грудь. Кажется, он, державшийся из последних сил, теперь всхлипывал. — Нет, нет, не спрашивай о таком! Я боюсь!!!

Хельмо устало прикрыл глаза, хлопая его по спине. И кто за язык тянул?

— Да не убьют. Не убьют...

— Самозванка злая, страшная... и с людоедами!

— А я слышал, что Самозванка красива, — откликнулся Хельмо и потрепал Тсино по макушке. — А ну перестань. Перестань. Я их выгоню. Всех. И лунных, и крылатых, и...

— Огненные дикари тоже могут быть злые, — пробормотал Тсино. Его никак не удавалось отодвинуть, впился намерт-

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

во, что котенок коготками, будто мог помешать уехать. Хельмо, пусть и тронутый его тревогой, не выдержал и пожурил:

— Да что ты такой трусишка, что ты... — Он осекся, нахмурился. — А ну постой. При чем тут язычники с Пустоши? С чего ты решил, что они...

— Папа ведь их на помощь зовет, — с готовностью откликнулся Тсино, наконец отстраняясь и выпрямляясь, вытирая лицо. — И ты их поведешь. Я подслушал.

Хельмо растерялся. В случае чего повесят ведь на других лишнюю болтовню.

— Ох, Тсино... это должны пока знать лишь бояре, даже и не все.

— Ты не бойся, — заверил тот, шмыгнув носом. — Я никому не скажу.

— Точно?

Тсино насупился и топнул ногой, обутой в ладный остроносый сапожок.

— Государи умеют тайны хранить. И еще они держат обещания. И не врут.

В этом он был весь в дядю. Потеплело на душе от слов.

— Тогда я спокоен, — выдавил улыбку Хельмо. — Что ж... прощай, Тсино. Пора.

Тсино не посмел его удерживать, он ведь действительно все понимал. Снова дрогнули пухлые губы, но больше он не плакал, глядел твердо. Хельмо обнял его второй раз и сделал то же, что не так давно дядя, — поцеловал в лоб.

— Береги себя, братец. Благословляю. Я уверен, свидимся. Сахар прячь... — взглядом Хельмо указал на инрога, — для него. Чтобы не три жалких кусочка.

Тсино засмеялся. Хельмо взял Илги под уздцы и неторопливо повел к воротам.

Он обернулся раз. Второй. Третий. Царевич все махал ему. На четвертый показалось, что в окне мелькнул знакомый силуэт — тяжелый, темный, сгорбленный от забот

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

и окруженный какими-то теньями. Конечно, дядя наблюдал. Может быть, тоже хоть раз помахал рукой, может, нарисовал на окне благословляющий солнечный знак.

Хельмо сердечно махнул Тсино и вышел со двора прочь.

Аля Янгреда лучшим началом военных походов было именно это — наблюдать, как промерзшие вулканы постепенно сменяются... чем угодно. Будут ли это лесистые низины, тонущие в тюльпанах холмы, просоленное океанское побережье, устланное гладкой конфетной галькой, — неважно, и неважно, кто враг. Главное — перевоплощение пейзажа. Изобилие, теснящее пустоту; жизнь, теснящая смерть.

Последние дни оказались на это щедры.

Точно предсказать Великие Извержения было, как и всегда, невозможно, — поэтому вначале наемники двигались быстро, спеша добраться до Стены и не попасть в потоки живого огня. Высокограды — большие и малые поселения на искусственных и естественных невулканических возвышенностях — давно остались позади, и укрыться огромному воинству с лошадьми и обозами было бы негде. Вокруг простирались лишь дочерна убранные поля, торчали сараюшки, шалаши и избы. Жители оставили все, что готовы были пожертвовать огню в этом году, и ушли наверх — праздновать второй Урожай, заготовливать морошковое вино, дожидаться, пока снова безопасно будет спуститься.

Преодолевать ту часть пути было тягостно. Янгред за службу в дальних королевствах — людных, заросших цветами, застроенных обычными городами и деревеньками, — отвык от хмурого вида Пустоши. Забыть о нем позволяла и жизнь в стройном, пестрящем искусственными садами Первом высокограде, при дворе Трех Королей.

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

Там Янгрэд провел последние годы, виртуозно выживая в распрях сводных братьев. Покойный король Эндре, скорее всего, столь фатально переел за ужином курицы именно стараниями сыновей. Тройняшки Харн, Эрнд и Рйтрих так и не поделили свалившуюся на них власть; вместо этого они, поделив лишь регалии — корону, скипетр и Огненную книгу законов, — издавали взаимоисключающие указы и плели интриги. Это занимало большую часть их дней, однако Свергенхайм еще стоял — стоял и, даже качаясь, почти не бедствовал. Народ забавлялся, судя по количеству складываемых трактирных песенок; не скучал двор: знать и священство делились на партии и строили свои — поменьше — козни. Все были при деле, и, благо, «дело» пока напоминало, скорее, разборки в семье, чем междоусобную войну. Пусть, рано или поздно интриги неминуемо увенчает предсказуемый финал — смерть двоих из братьев. Порой Янгрэд ждал этого, надеясь, что станет спокойнее. А вот обязанности его вряд ли изменятся. Оборонять пролив; обучать солдат техникам, перенятым у соседей; рассуживать споры вассалов и следить, чтобы страна не вляпалась в какую-нибудь невыгодную войну, — Янгрэду было чем заняться, хотя и не сказать, чтобы занятия его устраивали. С братьями — хилыми, склочными, бледными копиями отца, не унаследовавшими ни его храбрость, ни даже его рыжесть, — Янгрэд скучал. Вернувшись, он нашел Свергенхайм уже в их руках — без отца, без умерших еще до него королевы-супруги и королевы-матери. Этот неизменно пылающий, неизменно ледяной и неизменно переживающий неприятности мирок он и решил оборонять — пока не охватит тяга снова бежать. Свыкся. Тяги долго не было, но и чувство дома, которое он искал, не пришло. А потом Три Короля вдруг разом клюнули на странную наживку. С неожиданной стороны.

...Теперь, когда вид изменился, Янгрэд рассматривал поля, зелеными лоскутками стелившиеся по обе стороны

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

широкой дороги. Поля то и дело сменяли чащи, а их — бело-бокие деревеньки, не временные, не жертвуемые каждый год пламени, а возведенные основательно, надолго. Судя по молодой пшенице, по траве, по пасущемуся скоту, здешний год шел вовсю, в то время как в Свергенхайме он вот-вот должен был завершиться. Было тепло: местный климат смягчали какое-то морское течение и невысокая горная гряда. Янгрэд слышал, будто здесь, в отличие от приютившейся в междуречье столицы, даже нет снега.

— Трудно поверить, что похожие края скоро будут наши... да, ваше огнейшество?

Хайранг догнал его на своей резвой кобыле и поехал рядом. Всмотревшись в худое лисье лицо, Янгрэд отчетливо увидел в серо-зеленых глазах тень собственного восхищения — восхищения чужим благоденствием. Оба они, даром что знатные офицеры, были сейчас как оборванцы в пиратской сокровищнице: глядели и не могли наглядеться. И так, наверное, ощущало себя большинство солдат.

— Трудно, — ровно подтвердил он. — И я не спешил бы верить. О Хиндро Всеведущем говорят, что он хитер. Придется очень пристально следить за дисциплиной.

— А сколько заплатит кровью... — Хайранг прищурился, поднимая голову к солнцу. От движения, быстрого, но изящного, несколько шелковистых светло-рыжих прядей тут же упали за спину. — Но это того стоит.

— Пожалуй.

Опасаясь наветов, Янгрэд избегал заходить во встречные селения на постой; ночи солдаты проводили в лесах. Он не сомневался: каждую взятую у кого-то курицу, кусок хлеба, просто взгляд в сторону женщины — все может припомнить тот, кто призвал наемников. Так что отряды шли мимо, а местные к ним не приближались — не слыша стрельбы, не встречая злобы, не узнавая серых знамен с цветными языками пламени. Не было проблем на границе, никого не

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

выслали навстречу и позже. Не совалась городская стража — лишь на отдельных витках маршрута, держась на расстоянии, части провожали конные отряды стрельцов. Возможно, все здесь просто знали о сделке, но не хотели первыми открывать рот. Далеко все же, до столицы не докричишься, если что.

— Я отправлял разведчиков, — снова подал голос Хайранг. — Осфолатцев в окрестностях нет, кажется, путь чист.

— Да, — без удивления кивнул Янгред. — Здесь пока верны царю, здесь всегда было благополучно и мало что изменилось. Поэтому он и выбрал для встречи такое место...

Он помедлил. Замечание просилось, но не многовато ли он придирался к Хайрангу в последнее время? Дошел до того, что даже привычные утонченные жесты раздражают, хотя раньше по-доброму смешили, дразнить заставляли: «принц Лис». И все же он сказал:

— Послушай, я ценю твою предусмотрительность, но напоминаю: разведка должна быть осторожной. Местные могут испугаться чужаков, шныряющих туда-сюда. Нам нельзя привлекать лишнее внимание, пока я не встречу царского военачальника.

— Как скажете, — смиренно отозвался Хайранг. — Ваше огн...

И снова захотелось одернуть, сильнее. Стало досадно: давно они не говорили на «ты». В детстве, до того как Янгред сбежал в Ойгу, было только так, но по возвращении уже нет. Ничего: ни «принца Лис», ни крепкой дружбы, ни даже простого «ты». О замечании Янгред сразу пожалел. Хайранг и так все знал, был одним из самых способных офицеров кампании, куда осмотрительнее, чем сам Янгред. И вышколенные разведчики его — как есть лисицы.

— Это титул для тех, кто уже седеет, — с напускной безмятежностью сказал Янгред. — Я понимаю, что тебя только что повесили и ты не чаешь, чтобы повесили еще, но лезть тут...

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

Хайранг перебил его с ровной полуулыбкой:

— К волосам без седины он подойдет лучше. И если кампания будет удачной, вы заслужите его как никто другой.

Не понял или сделал вид, что не понял. И неважно, не скажешь ведь прямо, что грызет. Янгрэд хмуро отвел глаза. Еще и награду пророчит. Этот предмет разговора нравился ему еще меньше.

— Не будем загадывать, — тему он решил не продолжать и, раз ужалили его, жалить дальше. — И еще. Пожалуйста, не оставляй части надолго. Несколько рыцарей тут говорили о вылазке в город на следующем привале: о хорошеньких крестьянках и каком-то местном медовом напитке. Ты же понимаешь, чем это чревато?

— Да? — Не поворачиваясь, Янгрэд знал, что в лицо Хайрангу бросилась краска. Он ненавидел беспорядок и шатание, особенно — чисто походные проблемы, связанные с тем, что кто-то возжелал самоволку. — Я не допущу, спасибо! Вот же...

Нет, зря было замечание. Чего не удержался? И как чинить такую дружбу?

— Желание простительно. Люди устали. — Вздохнув, Янгрэд слегка пришпорил коня. — Недолго осталось до этой... как же... Инады. Ободри их. Но не отпускай. Ясно, Лисенок?

Так переводилось имя Хайранга, так его — сына одного из баронов, своего крестника, — звала королева-мать. Янгрэда она — тоже по дословному древнему переводу имени — звала Зверенышем. И сами они в шутку звали друг друга этими прозвищами, когда, играя в лазутчиков, писали тайные письма. Когда-то. Сколько прошло?..

— Как скажете, ваше огнейшество, — прозвучал наконец ответ. Янгрэд знал, что в его лице ничего не дрогнуло. Огнейшество так огнейшество.

Хайранг его покинул и тут же начал кого-то распекать с видом озадаченной няньки. Янгрэд криво улыбнулся: а ведь

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

когда-то, без званий еще, лихо гнали бы вперед вдвоем, смеясь и вопя, с восторгом озирая окрестности. Ну и пусть. Все теперь иное, не только слова, которыми можно друг друга звать. Янгрэд тоже запрокинул лицо к солнцу. В здешних землях оно светило мягко, приветливо. Пахло не камнем и снегом, а сеном и рекой, дышалось так свободно, что кружилась голова. За одни эти запахи и ветер можно было простить и принять многое. Тем более — глупость братьев.

Янгрэд не помнил, кто первым наскочил на него с восторженными разглагольствованиями о «дельном дельце». Он бы и ухом не повел, если бы дальше не последовало «разживемся землей!». Встревоженный, он решил послушать, а братец (Ритрих, кажется), вальяжно забравшись на трон, уже расписывал головокружительные перспективы «совсем-совсем не войны, просто маленькой прогулки». Как оказалось, и впрямь головокружительные, но разве что в своей мутности.

Понаслышке Янгрэд знал: соседнее царство — Дом Солнца — бедствует. Под откос там все покатилося, когда правитель повредился рассудком и убил себя и семью. С пресечением династии настало Великое Безвластие: начали отделяться земли, заволновались крестьяне, железнокрылые людоеды повадились воровать скот, да и воины Луноликих кое-что аннексировали. Страна разваливалась на глазах, но выискался новый царь, из бояр, и навел порядок. Это дорогого стоило: возвращая территории и отваживая притязателей, полегли две трети армии, от неурожаев и разрушений истощилась казна. Тем не менее волнения улеглись. Может, новый царь и не был Всеведущим, но управлять людьми умел. Союзников он наградил и возвеличил, голодающих накормил, с бунтующими примирился. Возобновилась торговля самоцветами, золотом, мехами и древесиной. Зазеленели поля. Деньги Хинсдро вкладывал в дороги, в укрепление городов, в постройку крепостей на границах.

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

Последнее имело двойное дно: к границам он усылал служить тех, кого не желал видеть или опасался держать близ себя. В отличие от Вайго, он презирал фаворитизм, доверял лишь паре-тройке бояр. Многие воеводы оскорбились и отказались, молодежь в глушь тоже не рвалась. Крепости стояли, но гарнизоны были слабыми, однажды это подвело царя, но несколько спокойных лет он выиграл. А вот соседи за это время стали относиться к Дому Солнца иначе. Если доброго, пусть вспыльчивого и чудаковатого Вайго любили, то теперь мало кто вообще заезжал ко двору Острары. Дипломатом Хиндро был холодным, послы возмущались, что пиры его напоминают порой допросы. Слишком опасался боярский царь лунных, так и не признавших легитимность его власти. На каждом шагу теперь видел козни ненавистного Осфолата.

— И это нас сближает! — воскликнул брат, перестав наконец ходить вокруг да около.

«Дельце» заключалось в том, что король Сивилус затеял жестокую интригу: отыскал где-то якобы уцелевшую дочь Вайго. С ней лунные войска уже пересекли солнечную границу и захватывали город за городом, собираясь «спасти заблудших братьев». «Братьев» — жителей Острары, некогда единой с Осфолатом, а «спасти» — вероятно, воссоединить древнюю империю, посадив на трон девчонку. Хиндро, конечно, этого не хотел. Тройняшки тоже проявили в вопросе единоподушие. Иметь под боком такого соседа! Огромного, дружащего с людоедами! Острара не была Свергенхайму союзником, но, в отличие от Осфолата, никогда не покушалась на его земли. На Пустоши до сих пор помнили войну, в которую пришлось ввязаться, чтобы уберечь от загребущих лунных лап пролив Ервейн. Поэтому, когда Хиндро начал переговоры о возможном союзе, Три Короля и сами готовы были поквитаться с Луноликами. Окончательно они приняли решение — конечно же, наплевав на необхо-

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

димось посоветоваться с кем-либо, — выяснив, какую царь назначил цену.

— Он отдаст нам какую-то долину! Три огромных города и все между ними. Поля и леса, речки и озера! Ты понимаешь, что это значит, Янгрэд? Понимаешь?

На этом месте брат пришел в волнение, мотнул кудрями, вскочил и попытался поймать Янгрэда за две широкие цепи, украшавшие его плащ. Попав в захват, он передумал; охая и шипя, принялся растирать собственную руку, засопел. Внимать возражениям он не стал. Следом, в тот же день, веское слово сказали Харн и Эрнц. Они, при всей взаимной неприязни, искренне хотели получить землю для людей, воплотив мечты нескольких поколений. Им пообещали слишком большой кусок, чтобы они задумались, как не подавиться. К тому же...

— К моменту, как мы соберем армию, кончится год, — успокаивали Янгрэда на прощание в тронном зале. Скорее всего, это говорил Эрнц, но, может, Харн в хорошем настроении. — Те, кто останется, возделают землю. А к сбору вы наверняка вернетесь.

— А сколько из нас вернется? И какими? Ты думал об этом? — резонно спросил он.

Брат закатил водянистые синие глаза.

— Помилуй, Янгрэд. Там глупая мелкая девчонка, осфолатцы, которых мы уже били, и пара горсток дикарей. Да и не вам одним придется делать работенку, царь обещал войска. — Он помедлил и подмигнул. — Хм. Ну а если время подождет — просто повернете. В конце концов...

«В конце концов, кому какое дело?» — вот что читалось в его взгляде. Ожидаемо для тройняшек, но Янгрэд отчего-то и поныне слышал желчные произнесенные слова. Тогда же, рассерженный, он холодно перебил:

— На полпути? Мы вообще-то тоже даем обещания, подписываем бумаги...

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

«Помогаем людям, оказавшимся в беде». Но этого не произнес уже он: наивно звучало. Скрипнул зубами — даже не рывкнул, а братец все равно опасно попятился.

— Бумаги, бумаги... — проворчал он и развел руками. — Бумаги теряются, Янгрэд, горят, переписываются... — Осмелев, он опять немного подошел, прищурился и понизил вдруг голос до приторного шепотка. — Есть много вариантов. Надеюсь, мне не нужно тебя учить, ты же опытнее.

Янгрэд молча разглядывал его — узкое, но притом почти квадратное лицо, блеклые ресницы, капризные пухлые губы — последнее было фамильной чертой и раздражало даже в собственной внешности. В который раз он задался вопросом, как у двоих очень красивых людей — блистательного огненного Эндре и темнокудрой шелковой полукровки Эрлейль — могло родиться нечто настолько невзрачное, да еще помноженное на три. Брат улыбнулся до ямочек на щеках. Это его немного украсило, но только на секунду.

— Ну вот, к примеру, если у них вдруг будут проблемы с исполнением своих гарантий... нельзя ведь возвращаться с пустыми руками, да? Придумаешь что-нибудь?

Желание схватить его за подмышки и приподнять, а потом ласково поинтересоваться: «Ты за кого меня принимаешь?» было сильным, но, как и нередко, Янгрэд сдержал его и лишь нервно рассмеялся.

— Мародерство и аннексия? Значит, такой у вас уговор с их царем?

Брат и тут не дернул бровью, более того — заговорил как с ребенком:

— Янни. Янни. Янни. Главная прелесть участия в чужой войне — то, что, как ни крути, мы что-нибудь с нее поймеем, рано или поздно. Но ты же понимаешь... — он хохотнул, — что именно мы хотим больше и скорее всего на свете?

— Понимаю. — Янгрэд передразнил его слащавый голос. — Леса, речки, птички, цветочки.

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

— А знаешь, что самое забавное? — Поднявшись на носки, брат даже смог развязно приобнять его за плечи. Янгрета не забавляло ничего, но он уточнил:

— И что же?..

Брат снова заулыбался, а потом даже потер руки. В своих словах он был, похоже, уверен.

— Чтобы получить это, нужно всего-то играть честно и требовать такой же честной игры в ответ. А ты у нас всегда был честным. Ну что, вперед? Леса, речки, цветочки... и высокие моральные идеалы, а?

Так на Янгрета и свалилась эта кампания. Вовремя: желание передуть венценосных родственников уже с трудом удавалось сдерживать. Чистый на первый взгляд уговор — военная помощь за деньги и землю — в деле выходил шитым кое-как. Не расправишься с Осфолатом к урожаю — бросай союзников в бою; не доплатят — грабь их почему зря; а еще всегда можно быть убитыми ни за что ни про что. Да и... От новой мысли расхотелось радоваться теплу. Янгрет хмуро уставился вперед, поджимая губы.

В Инаде его должны были встретить — кто-то из полководцев, с кем предстояло вести кампанию. Ожидаемо, резонно: что он сам бы делал, как ориентировался бы в незнакомых краях? Здесь не бывали жители Пустоши, а кто бывал, не заходил далеко. Да и местным частям, конечно, был нужен свой командующий, они не слушались бы чужака. Но одна мысль о заросшем дикаре, убежденном, что в атаку надо мчать с барабанами, а бросать легковооруженную пехоту на пикинеров правильно, наводила тоскливый ужас.

Что Янгрет знал об острарцах? Прежде их боялись, хотя вооружены они были по меркам цивилизованных королевств скудно, да и техники их отставали на пару десятилетий. Но они брали отвагой, удалью, на удивление хорошими командирами, а еще, что важно, количеством.

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

С ним-то и выходило скверно: при Хинсдро армия сократилась. Вооружение еще больше устарело, от службы повально уклонялись, а новобранцев некому было учить: из великих воевод времен Вайго лишь единицы присягнули боярскому царю, прочие покинули Дом Солнца и подались в наемники. И если лучшие остатки воинства — некое Первое ополчение — ныне защищали столицу, кого мог вести в Инаду человек царя? И какой человек?

Поняв, что круг мыслей замкнулся, Янгрэд осмотрелся. Поблизости виднелись приземистые, увитые плющом дома; над крышами клубился белый дым. За ними наливалось багрянцем небо; над головой оно, наоборот, подернулось сиреновой синевой. Вечер не крал у земли тепла, лишь одаривал ее красками, как жених невесту, не то что на Пустошах, где сумерки несли лишь уныние и промозглость. Красиво... но глаза нужно было отвести.

Притихли ехавшие сзади, многие потупились. Янгрэд снова пришпорил коня и зычно велел:

— Поспешим!

Приказ подхватили. Понесли дальше.

Лучше было достичь леса раньше, чем совсем стемнеет и начнут зажигаться огоньки. Янгрэд знал по себе и замечал по людям: теплый свет чужого крова даже у праздных путешественников — не то что у бесприютных скитальцев — вызывает щемящую тоску. Она была не нужна. Судя по карте, не так далеко лежало место встречи с царевыми людьми. Там примут как подобает. Там станет легче.

Въезжая под хвойный полог, Янгрэд услышал пение в одном из окраинных домов, сзади. Дети, сидевшие на крыше, нестройно прощались с солнцем — лилась одна из местных молитв; то тянулась, то взлетала короткими трелями. В три детских голоса вплелся четвертый — девичий, покрепче и постарше. А потом, как по ворожке, его подхватили птицы.

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

Песня стихла так же быстро, как началась. Отворачиваясь, Янгрэд почти почувствовал, как в этом окраинном доме вспыхнул первый желтый огонек.

2. Чужаки и костры

Сильно пахло морем: впереди уже выростала Инада. Стены и башни славного города-порта, откуда уходили корабли в Шелковые и Цветочные земли и куда привозили товары тамошние торговцы, были из лазурного камня и в ясные дни сливались с небом. Так казалось и сегодня, когда Хельмо подходил с северо-востока. В сердце билась насмерть восхищение и горечь: здесь когда-то... впрочем, пустое. И не его это память.

Отряд подрост; к шестидесяти добровольцам, вышедшим из столицы, добавилось три сотни — и это немногое, чем Хельмо заручился, все же решив зайти в некоторые селения. Он рисковал, но его вела память о малых делах: этот городок он выручил, отвадив разбойников; в том уладил миром кровавую междоусобицу бояр; в деревеньке на холме помог с новым колодцем. Ни разу он пока не ошибся: воеводы, знать, крестьянские головы откликались на призывы, начинали собирать отряды, обещали примкнуть позже, когда Хельмо пойдет назад. Вряд ли все обещания чего-то стоили, но река полнится каплями. Больше, впрочем, Хельмо надеялся на Инаду: почти наверняка зная, что здесь Самозванку пока не признали, он рассылал по окрестностям дружинников — тех, кто отличался красноречием. Части нужно было увеличить, не рассчитывая на дядю и тем более — только на иноземцев.

Среди спутников, ничего не знавших об условиях договора, лишь гадали про союз со Свергенхаймом. Многие мрачно предсказывали, что найдут Инаду разоренной; не

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

раз Хельмо спрашивали, зачем вообще впускать в Остару язычников, которых позже придется выгонять. Он, как мог, увещевал: «Они не хуже нас, такие же люди» — но на деле заразился домыслами. Он понятия не имел, что представляют собой настоящие, не легендарные жители Пустоши. Их послы редко заезжали даже к Вайго, позже пропали вовсе. Как поведут себя чужие рыцари, а ну как правда уже бесчинствуют? Но пока все выглядело спокойным: ни пожарами, ни плачущих крестьян. На шпилях башен дрожали голубые с золотыми солнцами знамена.

Хельмо оставил людей на краю рощи, после чего тихо подозвал Цзүго. Тот просиял, заулыбался во все желтоватые зубы, ухватил коня за поводья, и многие проводили его тяжелыми взглядами. В восьмернице — ближней дружине Хельмо — Цзүго единственный вел род от кочевников, выделялся среди курчавых русых голов черной косицей, узкими карими глазами и ушами размером с молодые лопухи. Нелепица, вечно цыкающая зубом и так и не сменившая лук на палаш, тем более на пистолет, но Хельмо привечал его за сметливость. Лучший для разведки *не боем*: и на рожон не полезет, и спину в случае чего прикроет.

Они выехали вперед и начали подниматься на холм, к запертым городским воротам. Не было похоже, чтобы их брали штурмом: перламутровые киты на синих створках оставались целыми и чистыми. Огненные не нападали? Или еще не пришли? Или были столь ужасны, что им открыли беспрекословно? Хельмо глубоко вздохнул, начал выдумывать еще какое-нибудь «или», но Цзүго его отвлек:

— Ого! Только глянь, а! — И он стремительно развернул коня вбок.

Тем временем на смотровой башне появились три дозорных стрельца. Они казались мрачными и, пусть угрозы не выказывали, приветствовать Хельмо не спешили. Странно: он даже облачился в красный кафтан поверх кольчуги, рас-

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

считывая на встречу с высокими лицами; цвет этот носили только царевы посланники. Да и должны же были часовых предупредить. Несколько секунд он колебался, на чем сосредоточиться, на этом вопиющем поведении или на том, как Цзуго цыкает и бубнит: «Ух, дурнина, дурнина...» Второе перевесило — Хельмо передумал потрясать государевой грамотой, перестал задирать голову и проследил за взглядом своего разволновавшегося спутника. Что еще, на что он уставился?

С холма открывался вид на низину под городской стеной: темнел хвойный лес, а до него тянулись луга и змеился тонкий рукав местной реки. Почти все это пространство оказалось загромождено: серели шатры, виселись обозы и непонятные — скорее всего, осадные — конструкции. Паслись кони, виднелись мортиры. Хельмо козырьком поднес ко лбу ладонь.

— Думаешь, это... — Впрочем, ответ не был ему нужен.

— Рыжие, — все же произнес Цзуго, теребя золотую серьгу-крючок. — Там много рыжих. И енти серые флаги... Как думаешь, сколько их?

Хельмо тоже развернул коня, съехал с дороги и обогнул возвышенность, присматриваясь. Лагерь занимал весь речной берег и скрывался в роще, солнце играло на орудиях и доспехах так, что становилось больно глазам. Три с чем-то тысячи человек, не меньше, это если не прикидывать, сколько укрылось под сенью деревьев. По договору обещано было около пяти тысяч... И сейчас эта цифра не столько радовала, сколько пугала. Пять тысяч друзей — в войне бесценно, но пять тысяч врагов...

— Короткоствольные пушки-то из Ойги! — Цзуго ткнул пальцем в ближние орудия, потом вверх. — Занятные, знаешь, штуки, двух снарядов хватит, чтоб снести енту башню...

Но Хельмо уже смотрел не на мортиры, а на одетых в закрытые алые накидки женщин, стиравших в речке одежду.

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

Подмечал, что лошади расседланы, а несколько солдат играют с косматой собакой. Все яснее улавливал дым костров, где варилось что-то мясное. К штурму так не готовятся. Зато...

— Дурнина, ты сказал? — Хельмо опять кинул взгляд на башенных стрельцов. Они переговаривались, глаза туда же, вдаль. — Ты, пожалуй, прав. Вот только не та.

Новая мысль обожгла досадой, стыдом. Удивительно... столько навдумывал ужасов, а самого простого не предусмотрел. Неважный из него дипломат. Скверное начало.

— Так чего делаем-то? — Цзуго проехал ближе к воротам. Хельмо, заметив, как один из стрельцов дернулся и начал поднимать мушкет, жестом велел замереть. — Я хочу...

— Не зови их, — нетерпеливо перебил Хельмо, сжав поводья. — Вернемся позже, со знаменем, и поговорим обстоятельно. У меня есть вопросы. Но сначала...

Он осекся, боковым зрением уловив движение в лагере, и опять повернулся туда. По воинам — кого можно было видеть, — словно шла волна. Они бросали праздные дела, вставали, торопливо приводили себя в порядок, сбивались в группы. Хельмо не сомневался: у волны есть и голос, точнее, целый хор голосов, отдающих вполне безобидные команды. Цзуго истолковал все по-своему: дернул лошадь, засуетился, потащил из-за спины лук.

— Давай-ка уберемся, Хельмо! Они всполошились, из пушки сейчас пальнут!

— То-то ты их стрелами перебьешь, — урезонил его Хельмо, не двигаясь.

— Всполошились, говорю! — упрямылся тот, но все же убрал оружие.

— Не поэтому. Не из-за нас.

Хельмо все более успокаивался: такие «брожения» в войсках — кому бы войска ни принадлежали — он легко узнавал. Так встречают начальство, которое долго отсутствовало, а теперь объявилось. И вот это начальство Хельмо необхо-

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

димо было увидеть, хотя щеки заранее горели от понимания, куда повернется разговор. Только бы ничего не испортить окончательно... только бы не услышать с ходу «Раз вы *так*, мы уходим». Он оказался прав: человек, из-за приближения которого солдаты старались принять более-менее бравый вид, вскоре появился со стороны рощи, начал довольно быстро приближаться. И даже в нагромождении шатров, в дыму костров, среди множества других рыжих рыцарей, его вряд ли удалось бы не заметить.

Ехал он на такой же белой, как у Хельмо, лошади, но иной породы. Не из Шелковых пустынь она была и не из Острары. Такие встречались еще реже, чем инроги: их выращивали сами язычники в своей единственной долине, и, как и хозяева, животные отличались пятнами-веснушками по телу и пылающими гривами. А какая чистая масть! Если Илги цветом напоминал топленое молоко, то тонконогое животное с узкой мордой — свежий снег. Впрочем, восхитительная лошадь привлекла куда меньше внимания Хельмо, чем всадник.

Он был в легких светлых доспехах: такие, по слухам, ковались на вулканическом пламени. Длинные волосы мужчины — нет, скорее юноши — вились крупными рыжими кольцами. Темный плащ удерживали две золотые цепи поперек груди; у пояса — по левую сторону — блестела черным серебром массивная рукоять меча. Незнакомец сидел гордо, но голову держал, не вздергивая подбородка, точно пытался хоть как-то ослабить грозное впечатление, которое производил. Едва ли получалось: его приветствовали робко, хотя, судя по жестам, он никого не распекал, скорее, просто объезжал владения, бросая небрежные указания и интересуясь, кто чем трапезничает.

— Каков гусь, — присвистнул Цзуго. — Никак король нам честь делает?

— Не похож... — рассеянно отозвался Хельмо.

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

В столице он видел свежоотчеканенные огненные монеты: правители Свергенхайма, тройняшки, по традиции прислали ко двору Остарары несколько штук со своими ликами. Монеты дядя быстро отправил на благое дело – переплавку под орудия, но мягкие квадратные лица – особенно пухлые рты и низкие лбы – Хельмо запомнил. У этого язычника даже издалека черты казались породистее и резче.

– А на кого похож? Неужто...

Цзуго осекся: командующий, заметив чужих на холме, наклонился и открепил что-то от седла. Это оказался зоркоглаз – прибор дальнего видения, редкость с Шелковых земель. Он помогал рассматривать звезды, выглядывать в море рифы и озирать огромные панорамы. Стоила вещь – Хельмо знал, ведь владели ею разве что именитые ученые, богатые мореходы и воеводы высшего ранга – как две лошади. И эту посеребренную трубу, внутри которой, как объясняли когда-то учителя, располагались мудреные дутые линзы, незнакомец направил прямо на холм.

– Я слышал, ента штука душу крадет! – опять всполошился Цзуго, отъезжая подальше и рисуя в воздухе солнечный знак. – А я тебе говори-ил!

Командующий опустил трубу и, снова наклонившись, что-то сказал окружавшим его рыцарям. Хельмо улыбнулся, хотя и его пробрал озноб. В жестах незнакомца было что-то хищное, далеко не юношеское. Не ошибся ли Хельмо, определяя его возраст? Ну... проверит.

– Поеду туда, – решил он. – А ты возвращайся-ка, дружище, да вели меня ждать.

– Еще чего! – тут же заартачился Цзуго. – Думаешь, это игры? Они ж тебя как зайца подстрелят, и твои семеро меня потом...

– А так нас подстрелят двоих разом? – уточнил Хельмо. – То-то польза.

Но этот упрямец был, как всегда, сметлив. Уверенно заявил:

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

— Пока по двоим попадут, наши услышат. Один-то выстрел, что он...

— Мортирного одного хватит. — Хельмо уже откровенно смеялся, хотя смех был нервный: там, в лагере, поворачивалось в сторону холма все больше голов. «Хищный» командующий тоже не отводил глаз. — Мы куда меньше этой башни. Езжай, говорю.

Но Цзуго уже рылся в седельной сумке, уныло бубня:

— Ох, все-то тебе шуточки, все-то думаешь, что бессмертен.

Поиск увенчался успехом: на свет божий он извлек огромную красную тряпку. Там было коряво, сусальным золотом, намалевано солнце — такие флаги в ярмарочные дни продавали в столице, и гости покупали, чтобы увезти кусочек города с собой. Не чета царевым знаменам, которые остались при отряде, не чета и голубым флагам Инады, трепетавшим над шпилями. Но эту тряпку Цзуго, нацепив на древко кнута, высоко вскинул и, для верности выехав вперед, помахал. Вид он при этом принял небывало важный, щеки просматривались даже со спины.

— ПЕРЕГОВОРЫ! — До лагеря вопль наверняка долетел, да даже стрельцы на башне подпрыгнули, благо хоть не стали палить.

Хельмо раздосадованно прикрыл лицо ладонью. Ум и впрямь быстрый... но блестит не ярче, чем это ярмарочное золото.

— Едем! — бодро объявил Цзуго, сторонясь и давая дорогу. — Думаю, ты вперед? Он вроде велел никому не стрелять, руками вон помахал на пушкарей.

Хельмо, чувствуя на себе взгляды — много взглядов — и слыша с башни молодецкий, издевательский гогот, с трудом сдержал стон.

— О... я тебе крайне благодарен за твои дипломатические изверты. Славно.

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

Славно все сыпалось, что он напланировал, это точно. Знакомство он представлял совсем не так. Нужно ведь было показать союзникам, что страна не в такой и беде, деньги на знамя точно есть, а предводитель ополчения — человек зрелый и предупредительный. С последним-то и выходила особая беда. А теперь еще это. Как заговаривать-то? Извиняться с ходу? Или...

— Да к бесам все, — пробормотал Хельмо и слегка прищипнул Илги, сосредотачиваясь только на стуке копыт и на рыжей фигуре впереди. Изводить себя он устал.

Все могло повернуться не так плохо, не стоило совсем уж полагаться на догадки. Гордый незнакомец мог оказаться кем-то из средних чинов, отвечающих за порядок. Королем он не был точно, значит, позор не так велик, а если и король — должен быть невозмутимым, и не такое повидал. Успокоенный этой мыслью, Хельмо приосанился и, спустившись с холма, снова осадил Илги. По лугу, вдоль реки, он ехал уже неспешно, приняв, как он надеялся, независимый и решительный вид. Трусивший следом на вороной лошадке Цзуго тоже выглядел сносно. По крайней мере, тряпкой больше не махал.

Перед Хельмо расступались. Солдаты, чистившие лошадей, отводили их; оружейники откатывали круглобокие блестящие мортиры. Двигали ящики, тушили костры, вставляли. Люди — крепкие, молодцеватые — тихо переговаривались. Не насмехались, но и не улыбались; не хватались за оружие, но и не приветствовали. Многие показывали пальцем на инрога, заинтересованные им больше, чем хозяином; других, конечно, отвлекал Цзуго, всем бросавший неловкие «Здрассте!», «Дорогу!» и «Воевода едет!». Наперерез выскочил увиденный еще с холма кудлатый пес с большим красным бантом на шее и басисто залаял — точно из мушкета бухнуло. Илги прынул, Хельмо его успокоил. Собаку оттащили, но молчание по-прежнему стояло мертвое. От этого было крайне неудобно.

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

Все это время рыжий офицер восседал на лошади и тоже не реагировал на происходящее. Лишь когда меж ним и Хельмо осталось не больше, чем шагов десять, язычник спешился и передал поводья подскочившему рябому мальцу. Видимо, стоило поступить так же. Хельмо оставил коня подбежавшему Цзуго и пошел вперед. Ему было интересно скорее узнать, насколько этот человек выше, старше ли и вообще... отмерзнет или останется статуей? Подходя, Хельмо смотрел прямо и видел: его изучают так же пристально. Даже если бы замешательство заставило потупитья, он наверняка почувствовал бы этот взгляд: у незнакомца оказались пронзительные, цветом как ненастная ночь, глаза. Он действительно был молод, зрение не обмануло.

Последние шаги они с Хельмо сделали одновременно и одновременно остановились. Молчание все висело, накаленное и нелепое. Что оно значило? «Давай, извиняйся»? «Кто тебя сюда звал»? «Беги, пока можешь»? Щеки — никогда он не мог сладить с собственной кровью — стремительно загорались, Хельмо это чувствовал. Это и отрезвило его: пожалуй, первым делом нужно сгладить нелепое появление, представить... естественно? Чтобы эти люди хоть не решили, что к ним прислали ратника; чтобы, как учил дядя, чувствовалось: «У царских особ рука верная, они все знают, что делают, а коли не знают — так вид умело делают». И Хельмо поступил, как, ему казалось, следовало: прижал ладонь к сердцу и глубоко, но с достоинством поклонился, не отводя глаз от бледного лица язычника.

— Добрый день. Рад видеть вас в наших землях. Надеюсь, ваш путь был спокойным.

«И, пожалуйста, скажите, что вам *просто* нравится свежий воздух...»

Последнее лишь подумалось. А заговорил он на языке Свергенхайма — впервые! Изучал в отрочестве, увлеченный легендами о Пустоши: освоил мудреную грамматику, запо-

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

мнил немало слов, на простые фразы точно хватит. Хельмо думал, что удивит гостя: связи меж странами были слабы, мало кто из солнечных знал огненный язык, как и наоборот. Но командующий все не шевелился. Из-за тяжелых век под лихими изломами бровей лицо казалось небывало надменным, плечи хотелось хорошенько встряхнуть. Хельмо понял, что хмурится и это заметно: несколько ранних морщин на лбу, углубляясь, всегда быстро выдавали его недовольство. Он уже запаниковал, но неожиданно что-то в изгибе полных губ командующего дрогнуло, уголки приподнялись, и... лицо сразу стало другим. Появилась блеклая улыбка, тень улыбки, заснеженная, как лица прочих рыцарей.

— Зачем вы склонились передо мной? — тихим низким голосом спросил язычник по-острарски. Хельмо замер. Речь звучала уверенно, хотя и грязновато: с придыханием, жестким «р» и неприятными, почти змеиными шипящими. — Кто вы такой и что вас привело?..

Ну, хотя бы заговорил. От сердца отлегло. Все так же не отводя глаз, Хельмо приподнял подбородок, назвалась и кратко пояснил:

— Я — воевода государя Хинсдро. Я возглавляю Второе ополчение и должен встретить здесь союзников из Свергенхайма. Когда я увидел вас, то решил, что вы — их командующий. Если я не прав, прошу меня извинить, но в таком случае уже мне впору спрашивать, кто вы.

— Вы правы. — Вот теперь язычник, казалось, удивился. Удивление, как и улыбка, оживило его лицо, сделав намного приятнее. — Но вы так юны...

Хельмо не обиделся, но и не сдержал усмешки. Он уже подметил россыпь веснушек на коже нового знакомого, и они не придавали ему, при всем блеске и стати, ни солидности, ни умудренности годами. А вот царская особа вышла бы из него правильная, знает, как себя держать. Но не на того напал. Хельмо лукаво, с вызовом, склонил к плечу голову.

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

— Вы тоже, скажу прямо, не старец. Это умаляет ваши заслуги?

Цзуго сзади щелкнул языком, явно предупреждая: «Не дерзи, у них пушки».

— Простите, я лишь ждал другого... — командующий заметно смутился. — Кого-то из «старой гвардии» вашего царя. — Три «р» подряд превратили фразу в забавное рычание.

— Радует, что хотя бы ждали, но увы, старой... гвардии, — Хельмо выговорил иноземное слово с некоторым трудом, — почти не уцелело. И это, — он смягчил тон, опять внимательно посмотрел в глаза командующего, — возвращает нас к началу. Я склонился перед вами, потому что вижу в вас надежду. Огромную.

— Понимаю. — Командующий так же неотрывно глядел в ответ. — И вы можете на нас положиться. Во всем. Ваша надежда — наша надежда, прямо сейчас.

Подтекст последних слов был понятен, и эмоция, которая мелькнула там, на секунду сжала сердце Хельмо: он вспомнил детство, разговоры с Анфилом на маяке. Вот они какие — настоящие изгнанники из легенд, и изгнание это как печать, не заметить сложно.

— Я... — начал он, не зная, зачем, но осекся: язычник тоже глубоко поклонился, не отводя глаз, хотя на несколько мгновений их занавесили волосы. — А... как ваше имя?

— Янгрэд. С этим у нас так же просто, как у вас, заморских *фамилий* не носим. — Он слегка даже хохотнул, протянул руку, и Хельмо с облегчением ее пожал.

Кольчужный доспех на нем был сегодня неполным, голая кисть легла в перчатку. Вопреки ожиданию, металл оказался не ледяным и не накаленным — теплым, как плоть. Каждая фаланга пальцев была отдельной деталью, меж собой все соединялось золочеными перемычками; золото выступало и из наплечников — короткими широкими шипами. С этим пожатием напряжение ушло, по крайней мере, больше не

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

сковывало фраз и жестов. Теперь, когда встреча как-никак состоялась, Хельмо хотел задать этому Янгреду сотню вопросов — как насущных, о кампании, так и самых простых, вроде того, сильно ли потеют в такой броне. Но, вспомнив о воротах и о том, почему, собственно, начал с этого знакомства, а не с попыток призвать к порядку башенных стрельцов, он спросил о более важном:

— Что вы здесь делаете? В Инаду слали гонца с вестью, что придут союзники и их — как минимум высшие чины и наиболее уставшие отряды — нужно принять до моего прибытия. Разместить. Начать собирать городское ополчение. Так почему вы...

— Ваш гонец не добрался, либо его неверно поняли, либо произошло еще какое-то недоразумение, — ровно, но уже более хмуро отозвался Янгрэд. — Ни о какой расквартировке речи нет, да что там... — поверх плеча Хельмо он глянул на ворота, — попасть на ваши рынки, в ваши лавки и трактиры, в ваши, прошу прощения, бордели... всего этого нам не дозволяют. Мы стоим под этими стенами третий день.

— О боже, я должен извиниться! — услышав ровно то, о чем и догадался на холме, Хельмо не выдержал: схватился за голову. Гневно обернулся к Цзугу: — Вот видишь?!

— А чего ты ожидал, смотри, какая орава, кто угодно бы испугался! — предсказуемо отозвался тот, и Хельмо жестом велел ему закрыть рот. Янгрэд примирительно хмыкнул.

— Я пытался донести хотя бы до кого-то, что мы — орава дисциплинированная и даже не слишком прожорливая. Но ни одно значимое лицо к нам не выехало, как не было, впрочем, и попыток нас прогнать. У меня вообще ощущение... — он прищурился, — что город прикидывается мертвым. По этой дороге почти не въезжают и не выезжают; в порту, наоборот, движение оживленное... но скажем так, не все корабли похожи на купеческие.

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

— Лунный флот? — Хельмо встревожился еще сильнее. — Подождите, но...

— Пираты и шелковые наемники, — возразил Янгрэд. — Весьма много. Это нормально?

— Тоже нет, — упавшим голосом отозвался Хельмо. — Точнее, не совсем. Точнее... — Мысли спутались, он поджал губы и опять обернулся к Цзуго: — Так. Берем восьмерицу, официальные знамена и едем все выяснять.

— Официальные? — раздалось рядом. Янгрэд, оказывается, успел поравняться с ним и, наклонившись, устался на красный флажок у Цзуго в руке. — А это разве не они?

Лицо его оставалось непроницаемым, но похоже, он... шутил?

— Не будьте так жестоки, — мрачно взмолился Хельмо, забирая у Цзуго свои поводья. — Как подведший вас представитель царя я заслужил это, но прошу о милосердии и форе.

Янгрэд выпрямился, снова улыбнулся ему — и покачал головой. Вроде бы укоризненно, но во всем движении сквозило удивительное, обнадеживающее дружелюбие.

— Скоро вы убедитесь, что я возмутительно добр, — уверил он. — Особенно когда мне все же открывают двери. — Он помедлил, металлически щелкнул пальцами, подзывая мальчишку с конем, и вдруг подмигнул Хельмо, напрочь руша свой королевский облик. — Ну что, поедем поступчим?

Красивый образ — светлые волосы мягким курчавым ореолом, алый кафтан, алые сапоги. Грозный палаш, украшенный бирюзой, и статный белый инрог. Хельмо вряд ли отрядили в кампанию от безнадежности, вернее, только от нее: вид его напоминал о временах, когда среди острарцев не было такого количества темноволосых, темноглазых, смуглых. Смешалась солнечная кровь с чужой,

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

порастеряла сияние, но в темные времена царь наверняка вспомнил: ничто так не толкает людей сражаться, как напоминание о единстве, о Великом Прошлом, где жилось ярче, проще, сытнее. Вот и появился Хельмо. Светлый рыцарь, пусть слово это в Остраре не в ходу.

Как выяснилось, ему едва сравнялось двадцать; Янгреду в его двадцать пять разница пока казалась пропастью. Двадцать... время горячей головы и опрометчивого сердца. И никакого военного опыта, ну, разумеется, кроме местечковых дел. Зато характер. Уже сейчас Янгрэд видел: характера не занимать, и это ему на удивление нравилось. Понравилось, начиная с более чем эффектного появления с тряпкой, с пылающих щек и пристального взгляда. Кое-что еще и подкупило — готовность вот так, с ходу, восстанавливать союзников в правах. Правда, с каждой минутой Янгрэд все больше сомневался, что это удастся сделать, просто помахав монаршей бумагой и флагом.

Они опять стояли у ворот, а смешанный отряд — из шести огненных и восьми солнечных — ждал у подножья холма. Подъезжать не разрешили; Янгрэд и Хельмо даже спешились, стараясь всем видом показать миролюбие. Янгрэд, впрочем, уже знал: показывай не показывай — вряд ли поверят.

Хельмо казался спокойным, только рука, судорожно сжимающая древко флага, выдавала тревогу. Тревожиться было отчего: ему в голову глядело дуло мушкета, торчавшее меж башенных «ласточек». Часовые, впрочем, стрелять не спешили — просто вели с воеводой пустопорожний спор по третьему кругу. Янгрэд понимал: он сводился к «Вы обязаны меня впустить» — «Наместник не дозволяет». Но здесь понимание заканчивалось: речь была беглой. Янгрэд куда лучше знал вышедший из имперского языка лунный диалект, мало отличный от солнечного в основах, но разнившийся деталями: протяжным произношением, пришептыванием, нагро-

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

мождением учтивых форм. А то, что говорил Хельмо и что ему отвечали, напоминало недовольный птичий клекот.

— Сколько у вас воинов? — спросил Янгрэд, воспользовавшись тем, что часовые начали совещаться. — Может, вы все-таки могли бы войти силой, если мы не станем вмешиваться? Вы-то действуете от имени царя...

— Людей мало, — процедил сквозь зубы Хельмо. На огненном наречии он говорил чисто, разве что ошибался в ударениях, а паузы делал коротковатые, из-за чего слова сливались. — Пока. И едва ли удастся это поправить, если я начну с клинка, а не со слов. Этот город... скажем так, давно должен нам. Но это не те долги, которые надо выбивать.

Янгрэд задумался. Не то чтобы он удивился, но слово «мало» не сулило легкого похода. Одни боги знают, сколько остарцев готовы примкнуть к этому горе-герою, как бы не пришлось отвоевывать все своими силами. Брала досада: а ведь Хинсдро в письмах всячески избегал конкретных ответов на вопрос «Какой армией вы располагаете?». Не оттого ли, что ответ был «Никакой»? Но Хельмо теперь выглядел таким напряженным и огорченным, что Янгрэд сжалился, просто кивнул и ободрил его:

— Здорово. Тогда, может...

Закончить он не успел. Глаза Хельмо блеснули, он — надо сказать, довольно гордо — вздернул подбородок и снова позвал часовых. Старший, с серебряными нашивками на груди и плечах, откликнулся, облокотился на «ласточки». Хельмо заговорил с ним еще быстрее, еще горячее, чуть выше подняв флаг. Янгрэд прислушался. Поняв суть нового — весьма скверного — предложения, он не сдержался и вмешался:

— Вы с ума сошли!

Но Хельмо, не поведя и бровью, твердо, медленно закончил:

— Я готов войти безоружным и один, если необходимо. Я доверяю Инаде и ее наместнику так же, как государь, про-

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

сящий помощи. Но недоразумение нужно срочно уладить. Поверьте, мне хватит одного разговора, меня *должны* здесь ждать.

Последовало новое шептание наверху: трое часовых пытались что-то решить. Наконец старший опять развернулся, огладил бороду, смерил Хельмо крайне неприветливым взглядом и ответил — тоже достаточно медленно, чтобы Янгрэд понял:

— Хорошо. Вы можете проехать. Без дружин.

Двое из трех часовых исчезли — видимо, начали спускаться, чтобы отворить ворота. Хельмо посмотрел на Янгрэда и натянуто улыбнулся. Пальцы у него совсем побелели.

— Слава богу, я и на это не надеялся. Похоже, они очень напуганы и видят в вас захватчика, во мне — какого-нибудь Самозванца. Война уже пустила здесь корни... Беда.

Улыбка быстро сползла с его лица, необычные морщины на лбу прорезались четче. Янгрэд его понимал: впереди, если все действительно столь плохо, маячила перспектива убийства испуганной толпой, готовой броситься в ответ на любое неосторожное движение или слово. И на этот риск Хельмо только что согласился сам.

— Насколько я помню, — Янгрэд в мыслях восстановил политические карты, которые изучал перед походом, — Инада была до Вайго вольной? Вы ведь знаете?

— Верно. Мне ли не знать. — Хельмо потер лоб. — Но нас связывает много лет дружбы, поэтому я иду... — он, конечно, лукавил, — без страха. Иначе нельзя, Янгрэд. Я должен прочесть государев указ и объявить созыв ополчения или убедиться, что эта работа уже делается. И я хочу, чтобы ваши отряды все же отдохнули здесь хоть немного.

— Знаете... — Янгрэд говорил за себя, но не сомневался: офицеры бы его поддержали, — чем больше я смотрю вот на это лицо, — он кивнул на бородатого часового, даже не думающего сместить прицел, — тем меньше мне этого хочет-

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

ся. У вас... м-м-м... и на природе живописно. — Он невольно процитировал брата. — Речка, птички, цветочки...

Он увидел улыбку, от которой осекся: у Хельмо лучились, становились все более спокойными глаза. Он слушал внимательно, с эмоцией, которую Янгрэд не сразу прочел, а когда прочел, очень удивился. Благодарность? За что?

— У вас длинный путь позади, и вы наши союзники. Девиз Острары — «Солнце согреет всех»; многое у нас держится на доверии, а вот это, — он махнул вбок, явно пытаясь охватить лагерь, — вопиющее нарушение обычаев. Вас велено было принять. Я сомневаюсь, что с гонцом что-то случилось, в этих краях пока безопасно, значит, приказа просто ослушались. И, тем более, — Хельмо понизил голос и перешел на огненный язык, — я должен проверить ваши сведения о кораблях. Ну... — Он вслушался. С той стороны ворот звучали шаги. — Пожелайте мне удачи. Если не опасаетесь, подождите тут. Не давайте людям делать глупости, моя дружина беспокоится. Или... — Говоря, он уже сделал шаг вперед, потянул за собой коня. Тот нервно упирался. Его сложно было не понять.

— Если мои познания ардарского языка чего-то стоят, — прервал Янгрэд, который за время длинного монолога успел принять единственно верное в такой безумной ситуации решение, — ваше «вы» подразумевает не только почтительное обращение, но и двух и более человек. Мне же позволили проехать с вами, так?

Хельмо замер, глянул почти оторопело. Это задело, Янгрэд повторил вопрос тверже.

— Мне не хотелось бы оставлять кампанию без головы, — услышал он, прежде чем успел бы возмущенно уточнить: «А вы что думали, я вас брошу?»

— А мне хотелось бы сохранить обе наши головы, — уверил Янгрэд. — Ваша определенно имеет ценность. Мне-то ополчение никто не соберет.

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

За воротами отчетливо заскрежетало: отодвигали тяжелые засовы. Первый...

— Я с вашими людьми не справлюсь точно так же, — Хельмо опять дернул коня.

...Второй.

— У меня в случае чего мгновенно отыщется не один приемник, еще выбирать будете, — подначил Янгрэд, уже ведя следом свою лошадь.

— Да о чем вы, я не хочу никого выбирать! — слегка вспылил Хельмо, упрямо хмурясь. — Когда вы сказали «Поедем постучим», я думал, вы пошутили...

Он, похоже, говорил серьезно, не играл в храбрца. А ведь даже инрог посматривал на него со скепсисом, а на ворота — с опаской. Мог бы — спросил бы: «Свихнулся, хозяин?»

— Я не отпущу вас туда одного, — предупредил Янгрэд, медленно кладя вторую ладонь на рукоять меча. — И я не бросаюсь такими шутками. Просто подумайте еще о том, что в случае чего в вашей смерти обвинят меня. Вы верно сказали, мы союзники, а значит, в той или иной мере мне подобает... защищать вас? И вам придется это принять.

Хельмо вдруг усмехнулся, скорее устало, чем едко, и полюбопытствовал:

— Ну а вы-то в случае чего примете мою защиту? Или это выше вашего достоинства?

Это тоже отозвалось: что не запетушился как балованный юнец, не вздернул нос со словами «Мне не нужна ничья защита», что глянул так серьезно, будто ответ правда что-то решал. И Янгрэд без колебания кивнул:

— И защиту, и гостеприимство, и все, что угодно. Но только на равных.

Лязгнул третий засов. Хельмо облизнул побелевшие губы.

— Это звучит здраво. Что ж... тогда с богом?

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

Ворота уже скрипуче, нехотя отворялись; на синих створках сверкал перламутр. Янгрэд снова потянул лошадь за собой, и инрог Хельмо тоже наконец перестал упрямиться.

— С богами.

Пустой въездной двор окаймляли голубые одноэтажные здания, наверняка казармы. Едва Хельмо с Янгрэдом вступили в ворота, как створки начали закрываться — все столь же медленно, но будто бесповоротно. «Попались», — мелькнула унылая мысль. Перламутровые киты соприкоснулись лбами; проскрежетал с натугой задвигаемый засов — один из трех, нижний; толкали его, как оказалось, сразу четверо. Два других засова оставили незапертыми, что внушало некую надежду выбраться живыми. Или опасение, что трупы вышвырнут на дорогу достаточно скоро и часовые просто ленятся делать двойную работу.

— Мы едем на лобное место, где я зачитаю государев указ, — объяснил Янгрэду Хельмо. — Это ближе к порту, в противоположной части города. И как раз...

«Проверим гостей». Но это он разумно опустил, начал громче повторять первую фразу, обращая ее уже к подошедшему часовому — крупному мужчине с яркими полосами проседи в черных волосах. Судя по красным нашивкам на уже привычном голубом кафтане, это был начальник, вроде башенного коменданта. Тот выслушал, кивнул и скрылся в ближней казарме. Скоро оттуда стали один за другим выходить стрельцы помоложе — все так же в голубом, в ослепительно начищенных, как для парада, сапогах. Их высыпало с дюжину, и они безмолвно выстроились шестерками по обе стороны от гостей. Янгрэд пригляделся: кольчуги под кафтанами были плотнее той, что носил Хельмо; у четверых — двух, что открывали шествие, и двух, что замыкали, — вместо бердышей и пистолетов были мушкеты. Вновь подошедший комендант потребовал у Хельмо сдать оружие, буркнул что-то, покосившись на Янгрэда, — и под виноватым

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

взглядом солнечного воеводы тот понял, что требование распространяется на обоих. Да... приятная будет прогулка. Стрельцы сомкнулись плотнее.

— Почетное сопровождение, — поморщился Хельмо, вновь садясь на коня.

— Полное вооружение, — желчно подхватил Янгрэд, следуя его примеру. — Не слышал, чтобы вы были так хорошо обмундированы, эти мушкетеры совсем новые...

— Мы и не... — лаконично, но понятно отрезал Хельмо. Судя по виду, ему было крайне интересно, где наместник нашел деньги на все эти элементы устрашения. — Это при Вайго всего было много, а сейчас пришло в негодность. Дядя не успел закупить до войны. Мы и пули-то бережем, полагаемся больше на клинки.

Бородатый часовой что-то гаркнул с башни, комендант — с крыльца. По взмаху его руки Хельмо, Янгрэд и их молчаливый конвой двинулись в путь. Дула мушкетов не целились в спину, но Янгрэд их ощущал. Или это на него так смотрели? Он предпочел не задумываться и, отвлекаясь, стал озираться. Стоило хорошенько запомнить путь, все возможные укрытия — дворы, галереи, арки, канавы, подъемы на крыши. Да и архитектура оказалась живописной: голубые здания, украшенные фресками; высокие золоченые шпили; неизменные флюгеры в виде морских коньков, рыб, кораблей и чайек. На некоторых крышах были разбиты цветники и целые сады, окна пестрели розами и выюнами. В жилых кварталах над головой замелькали арочные балкончики-мостики: они соединяли верхние этажи домов. Между балкончиками тянулись веревки, на которых что-то сушили. А еще всюду попадались фонтанчики в виде всевозможных морских гадов. Они прятались в самых неожиданных закутках.

Посматривая на Хельмо, Янгрэд видел: его лицо окаменело. Он и не думал любоваться видами, лишь, поджимая

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

губы, глядел вперед. Так боялся? Или тоже строил планы отступления в случае... В случае чего?

— Все в порядке? — прошептал Янгрэд, скорее, чтобы напомнить: «Вы не одни».

— Да, конечно, — прозвучал тусклый голос. — Я готовлюсь.

К смерти, что ли? Ах нет, у него же есть здесь главная цель.

— Что вы скажете горожанам? — поинтересовался Янгрэд. — Это всегда сложно — поднимать на борьбу тех, кто не борется сам. Вы хорошо произносите речи?

Хельмо вздрогнул, повернулся, но посмотрел, будто не видя. У него, Янгрэд не мог не обратить внимания, были по-детски большие глаза, и пустота в них тревожила.

— Речи... — наконец затравленно повторил он, — никогда особо не пробовал. Что скажу? Правду, ничего больше у меня нет. Заодно и вы ее услышите.

Не сговариваясь, общались они на солнечном языке: иноземная речь могла разбудить в стрельцах больше подозрений. Янгрэд решил не мучить Хельмо дальше, слова явно давались ему тяжело. Правильнее было дождаться, пока он совладает с собой. К тому же кое-что в сопровождающей компании внезапно изменилось и отвлекло внимание.

Если поначалу горожане лишь провожали всадников и стрельцов взглядами, то теперь некоторые начали присоединяться к ним. Сзади уже двигалась толпа, преимущественно дети, но все больше появлялось и взрослых. Люди видели красное «царское» знамя, особенно яркое на фоне голубых холодных стен, видели юношу в «царском» же кафтане, видели необычного иноземца — и галдели, обмениваясь догадками, что происходит. Кто-то даже звал Хельмо по имени, махал — в основном, хорошо одетая молодежь, пытавшаяся пробиться ближе. Янгрэд ловил интонации, вроде не враждебные, а вот шепоток «Рыжий какой, глянь...»

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

звучал более встревоженно. Когда какой-то мальчишка из толпы догнал его лошадь, Янгрэд приветливо наклонился, протянул руку, но ребенок сразу отпрянул.

К Хельмо прибились два молодых воина. Это не были стрельцы; судя по скромному обмундированию и отсутствию голубых деталей, скорее, чья-то личная стража. Хельмо узнал их, заулыбался. Они заговорили, опять слишком быстро, чтобы Янгрэд понял, потом еще понизили голоса. Янгрэд отвернулся и снова глянул вперед. Улицы расширились, на площадях заперестрели рынки. Подкрался шлейф «приморских» запахов: соленая вода, пряности, кофе, скот, благовония, порох. До порта явно было недалеко.

— Все чуть лучше, чем я думал, — тихо сказал Хельмо, окликнув Янгрэда. Теперь он использовал огненное наречие, а его знакомые, повинувшись сердитым жестам стрельцов, уходили. — Гонец был, разговоры об ополчении идут...

— Славно, — неопределенно отозвался Янгрэд, чувствуя: это не все.

— ...но не так широко, приказ не зачитывался, то есть речь сказать придется, — Хельмо натянуто улыбнулся.

— Почему не зачитывался? — уточнил Янгрэд. — Разве не обязанность наместников доносить до народа волю царя?

— Наместник Карсо Буйноголовый... — Хельмо вздохнул, понизил голос, — у него что-то стряслось, мне начали говорить о беде, — он покосился на ближнего стрельца, — да закончить не успели, сами видели. Пойдем на месте: наше появление вряд ли останется без внимания. Кто-то точно уже несет весть Карсо, он прост нравом, дружен со всеми оборванцами, все от них узнает. Скоро мы его увидим. — Он все же слегка улыбнулся. — И, кстати, думаю, он вам понравится. Очень добрый и... живой, что ли?

— Судя по прозвищу, вероятно! — Янгрэд улыбнулся в ответ. — Обязательно выражу восхищение чистотой этих, — он кивнул на стрельцов, — сапог. И гостеприимством.

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

Хельмо потупился, разгадав упрек, но потом все же усмехнулся. Янгред подмигнул ему, а вот внутренний голос, увы, так бодро настроен не был. Пальцы все крепче сжимали поводья, на поясе все острее не хватало меча. Что-то *ненастоящее* витало в воздухе — ясном, прогретом, сладком. Что-то фальшивое грохотало в стройной поступи. Что-то давило со всех сторон, черной гнилью расплзаясь по голубым стенам и пестрым фрескам, но что?

Он не понимал. И это непонимание тревожило даже больше, чем безоружность.

3. Вдовье горе

Он увидел их издали — ладные корабли из темного дерева, с темными же парусами — синими, серыми, багровыми. Но не по парусам и не по древесине он их узнал, а по носовым фигурам — посеребренным волкам с глазами-корундами, золоченым крысам, ряженным в жемчуга. Пиратская Вольница. Пиратская Вольница и правда зачем-то прислала Карсо свои силы, если, конечно, может прислать силы страна, которой нет.

О тех землях — скопище островов, зовущемся чужеродно и рычаще, «Гара-Гола» — Хельмо знал мало. Находились они на другом конце мира, дружить с Остаррой никогда не рвались. Вроде люди поселились там три сотни лет назад, после каких-то волнений в Цветочных краях; вроде были это сплошь изгнанные графы, бароны и прочие правители, да все одичали, обозлились, выстроили диковинные суда, работающие не на ветре, а на огне, — и ударились в морские бои. Составляли Вольницу три не то ордена, не то гильдии: Соколы, Крысы да Волки. Если первые, как правило, нанимались служить в страны со слабым флотом, то вторые и третьи предпочитали разбой: Крысы за звонкую монету, Волки — из

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

принципа и ража. Что Крысы и Волки забыли здесь?.. Ладони похолодели, но Хельмо быстро успокоил себя: это же Инада, с ней в вольные времена у пиратов имелись связи. Они приходили сюда на зимовку, здесь были их притоны, рабские рынки, таверны, тайные пещеры-сокровищницы, храмы, где они могли помолиться своим богам — Рыжей Судьбе, Королю Кошмаров, Слепому Судье... Но ведь это в прошлом. Вайго присоединил город. Ничего не запретил, кроме кровавых жертвоприношений и торговли детьми, но дал понять: не рады тут пиратам, не повесят, но и не поцелуют. Вайго был лих, да только равных себе по лихости не любил.

Шелковых наемников прибыло меньше, но их корабли Хельмо тоже опознал — по красным носовым фонарям и парусам, поблескивающим серебром. Боже... они даже не пытаются скрываться, просто пришвартовались и, возможно, наблюдают за ним прямо сейчас. Но не атакуют? Он задумался. Переглянулся с Янгредом, тот вопросительно поднял брови. Скорее всего, опять пытался выяснить: «Это для вас нормально, такие гости?» Хельмо пожал плечами. Нет... не надо нагнетать, пока он не пообщается с Карсо.

Лобное место выступало над портовой площадью. Оно было обнесено заграждением из золотистого шпата; камни, расходясь лучами, образовывали солнце. Округлый центр и был возвышением; там сияло второе «светило» — подвешенный на крепких опорах, отлитый из желтого металла священный набат. Не доезжая пары десятков шагов, Хельмо начал спешиваться. При мысли, что придется подняться, привлечь всеобщее внимание, заговорить, опять бросило в дрожь. Мелькнуло опасение: «Вот тут-то пираты меня и застрелят». Янгред будто прочел его мысли, спросил предупредительно:

— Я могу вас сопровождать? На вас лица что-то нет...

Стало неловко, но каким мучительным был соблазн кивнуть. Может, хоть блистательная фигура рядом придаст

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

речи весомости? Немое: «Вот они, союзники. Вот кто нас спасет. Записывайтесь в отряды!» И Хельмо прошептал одними губами: «Пожалуйста».

Площадь бурлила: лепились друг к другу косые лавчонки и пестрые навесы, и фонтан в виде скопища угрей, стремящихся к небу, — у него многие спасались от жары. Поблизости высился белокаменный, с лазурными куполами храм, на ступенях которого сидели старухи и юродивые. Никто не обращал на Хельмо внимания, а конвой не спешил помогать его привлечь. Сгрудившись, стрельцы как ни в чем не бывало заговорили, заготовали. Хельмо окликнул ближайшего, с мушкетом, но тот словно не слышал. «Разбирайся как знаешь». Это явно был вызов, но Хельмо не стал его принимать: себе дороже тратить время на склоки. Привязав Илги и развернувшись, он пошел к лобному месту; Янгред последовал его примеру. Никто не остановил их — уже неплохо.

Молот, скорее всего, хранился у священников или у наряда караульных — по крайней мере, рядом с набатом не было ничего похожего. Хельмо пару раз крикнул: «Люди! Народ Инады! У меня указ!», но услышала его лишь притаившаяся за занятым зрелищем толпа из соседних кварталов. Здешние же горожане продолжали сновать туда-сюда: торговались, поругивались, кто-то как раз поймал за ухо воришку, потянувшегося к чужому кошельку. Хорошо бы выстрелить в воздух, да только оружия не было.

Хельмо чувствовал пока не раздражение — недоумение. Никто ни намеком не предупредил его на выезде, что в Инаде ополчение не ждут. Как вообще заявить о полномочиях, где Карсо? Можно только вообразить, что думает Янгред: ничего не подготовлено, не организовано, все через... через лошадиный крик! Кулаки невольно сжались. Нет, нет, нет... он ничего не испортит.

— ИНАДЦЫ! — взревел Хельмо громче и ударил по набату. Хотел кулаком, но в последний момент разжал, побоялся

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

богохульства, и удар потонул в площадном шуме. На расщепленных фалангах пальцев выступила кровь.

— Почем рыба? — орал кто-то, тыча в разложенные на подтаивающем льду тушки.

— Я тебе, я тебе! — честили воришку у одежной лавки.

— Пойдемте плавнем! — зазывали друг друга гуляки, вываливаясь из винодельни.

Хельмо глубоко вздохнул, замахнулся повторно, но услышал:

— Позвольте, я помогу, это я умею.

Ответить он не успел: Янгрэд ударил в набат. Даже не замахивался: наверное, тоже опасался, что обвинят в святотатстве, но все равно удар металла о металл прозвучал даже зычнее, чем Хельмо ожидал, — грохнул, раскатился в знойном воздухе. Ослепительно сверкнуло солнце — оно как раз отразилось в золотом круге. Хельмо схватил Янгрэда за руку, чтобы как можно меньше людей заметило, как язычник прикоснулся к солнечному символу. Стало так тихо, что было слышно: под крышей ближнего дома возится в гнезде голубь. Воришку выпустили, пьяницы замолкли, юродивые — даже калеки — начали вставать. Одна за другой к лобному месту поворачивались головы.

Хельмо осознал, что еще держит Янгрэда за кисть, поймал усмешку вкупе с очередным приподнятием бровей и торопливо отпустил. Стало еще более неловко, захотелось даже извиниться, но эту глупость нужно было скорее отбросить. И он отбросил — улыбнулся, шепнул: «Спасибо» и, крепче сжав флаг, шагнул вперед. На него смотрели в ожидании, и отчего-то под этими взглядами рука, потянувшаяся за пазуху, замерла. Нет... не нужно по бумаге.

— Инадцы, — повторил он громко, но ровно, зная: теперь-то его слова ловят, а не выбрасывают небрежно под ноги. — Инадцы, я прибыл от царя Хинсдро, прибыл с дурной вестью. В Остраре началась война.

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

Мало кого могло бы это удивить. Ну не глухие же отшельники здесь жили, знали, что Самозванка уже на северо-западных берегах. Но может, так действует любая изреченная правда: бьет оглушительно, как закованный в металл кулак по набату. Тишина вроде не могла стать гуще, но стала, и несколько отдельных горестных возгласов — женских и детских — взрезали ее ножами.

— Вы вряд ли рады мне и, похоже, меня не ждали, — продолжил Хельмо, скользя по толпе взглядом: как вытягиваются лица, потупляются некоторые головы, разбегаются шепотки. — Но я здесь, чтобы не оставлять вас в неведении и... — потребовалось промедление, — просить помощи. Первое ополчение, все лучшие воины, уже защищают Оструару. Их берут измором, их калечат и пожирают... — говорить этого он не хотел, но должен был и сразу, кожей, почувствовал холод чужого страха. — Их сил хватит еще на некоторое время. Но чем дальше продвинется Самозванка, тем сложнее будет. Пора готовиться к обороне, собирать второе ополчение, и мы уже начали делать это, начали по всем храбрым землям... — он понял, что частит, перевел дух, опять оглядел толпу и добавил то, что, как он надеялся, воодушевит ее: — Впрочем, мы будем биться не одни. У нас есть друзья.

Рука еще кровоточила, когда Хельмо положил ее на плечо Янгрета. Тот, прежде глядевший вниз, тоже посмотрел на толпу и слабо, заледенело улыбнулся. Наверное, ему было неуютно. Наверное, он привык к своему лихому народу, всегда готовому драться. Здесь же... здесь он не мог не заметить ужас, выглядывающий из каждой пары глаз. Янгред ничего не сказал, только, приложив ладонь к груди, слегка поклонился, и солнце заблестело в его наплечниках, запугалось в волосах. Это было величественно; люди, кажется, впечатлились, потому что опять воздух зазвенел шепотками.

— А они-то нас не захватят? — выкрикнул вдруг кто-то из гущи людей у фонтана, и людское море загудело. А правда?

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

— А поживем — увидим! — в тон ему, так же дерзко ответил за Хельмо Янгред, и неожиданно это встретили целой россыпью смешков.

— Если не верить союзникам, кому верить? — Хельмо сказал это громко, подняв руку в призыве замолчать, после чего продолжил: — Но это не ваша, поверьте, не ваша забота: я возглавлю ополчение и только мне вести вперед это пламя. Вас тронут, только если тронут меня. И касается это... лубой дурной воли. Клянусь.

Он чувствовал себя странно: будто его охватывает невидимое пламя. Может, у него горело лицо, может, просто он наконец упарился, а может, Янгред смотрел с таким вниманием, что становилось жарко. Хельмо облизнул губы. Было немного дурно, но он собрался и продолжил о более насущном: о том, где и как можно будет записаться в ополчение; о направлениях, в которых Самозванка еще не преуспела; о защите столицы, к которой обязательно нужно будет вернуться. Его слушали, не перебивая. Дядю он старался не упоминать: понимал, что обязательно услышит что-то вроде: «А где сам царь? Прячется?» Пойдут за ним, за Хельмо... значит, ему и сулить, и утешать, и ободрять. Закончил он тихо, просто, понимая: ничего не выдумать лучше:

— Не пойдете — что ж. Мы не просто потеряем свои дома. Не просто будем убиты, ограблены, съедены на кровавых пирах. Мы будем стерты как народ. Небесная луна лишь отражает свет солнца, а на земле станет наоборот. Я этого не хочу.

Хельмо замолк. Тишина надвинулась, стала еще пронзительнее, но наконец раздалась хлопки, все чаще и чаще. Они сопровождались криками; некоторые в толпе склонялись, другие напирали на них, чтобы подобраться ближе и о чем-то спросить. Гвалта, не разделяемого на отдельные фразы, было много. Но один голос, словно колокольчик, вдруг вырвался из гулкой пелены и заставил замолчать все прочие:

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

— Чудесно! Пропустите, пропустите меня, мои люди! Не видите, кто идет?

Это воскликнула женщина в ближних рядах — она и хлопала первой. Разумеется, Хельмо сразу ее узнал, и сердце опять екнуло, но иначе. Он облегченно улыбнулся.

С ней была стража, но не стрелецкая, вместо молодцов в голубом — быстрые сероглазые люди в черной кисее и золоте, в плотной чешуе и остроконечных шлемах, сплошь длинноволосые. Выходцы из Шелковых пустынь, такие же, как та, кого они сопровождали.

— Какая речь, мой юный друг! — повторила женщина и грациозно, величественно скользнула вперед. — Каким ты стал взрослым!

Янгрэд с любопытством, пожалуй, бесцеремонным, на нее уставился, но Хельмо сложно было его не понять. Как может не поразить такая дикая, точеная красота?

— Имшин Велеречивая... — выдохнул он и тихо пояснил Янгрэду: — Это супруга наместника Карсо.

Она почти летела, а пред ней расступались. Одетая она была в синюю хламиду, шитую перламутром, но Хельмо знал: под этим нарядом, как обычно, полупрозрачные шаровары и открытый лиф, а пупок проколот. Волосы, тяжелые, черные, гладкие, трепетали на ветру. Мерцающий взгляд раскосых серых глаз еще острее делала красная подводка; лицо — свежее, золотисто-смуглое — могло бы принадлежать деве. Мало кто угадал бы истинный возраст этой чарующей женщины, у которой росли два сына, рожденных в один год с Тсино. Хельмо никогда и не пытался, помнил ее вечно юной.

— Ты все же здесь! — проговорила она, подступив. — Что ж, добро пожаловать.

Хельмо поклонился, но Имшин тут же рассмеялась и подцепила его подбородок тонкой, унизанной звенящими браслетами рукой. Жест был нежным, хотя багровые коготки

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

и впились в кожу. По пальцам тянулся черненый рисунок: волны, линии, а обильнее всего — обережные треугольники, символ чужого божества.

— Государеву племяннику негоже склоняться перед супругой городского головы, милый, — строго сказала она, и Хельмо почувствовал, как заливается краской.

— Мужчине подобает поклониться красивой женщине, Имшин.

Украдкой он заметил, как нахмурился Янгрэд, как шевельнулись его губы, повторяя: «Государев племянник?» Запоздало Хельмо осознал, что не сообщил союзникам таких подробностей, представился лишь воеводой, побоялся заискивания... Он вообще не любил дуть щеки, не считал важным родство с царем. А еще, что таить, постеснялся раскрывать положение при дворе, когда опростоволосился перед блистательным, гордым, взвешивающим каждое слово Янгрэдом — простым офицером.

— А ты, похоже, знаменитый рыцарь счастливой звезды, Огненный Янгрэд... — продолжила Имшин. — Не думала, что увижу тебя воочию.

Она смотрела с таким же цепким любопытством, как он на нее. Глаза встретились, губы изогнулись в одинаково прохладных улыбках. Это читалось: Имшин встревожена присутствием иноземца, пусть и не скажет об этом из расположения к Хельмо. Янгрэд же... скорее всего, он насторожился, услышав свое имя. Не кланяясь, он ровно спросил:

— Я столь приметен среди других офицеров Свергенхайма?

Глаза Имшин блеснули. Разговор напоминал поединок.

— Ты один из немногих, кто покинул его и прославился. И также, — она помедлила, — один из немногих, столь похожих на его покойного короля, точно... плоть от плоти его?

Теперь опешил Хельмо, метнул на Янгрэда взгляд и заметил смущение. Тот, похоже, понял подтекст: сжал губы,

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

опять обратился в ледяную статую. Мог ли «простой офицер» быть... принцем? И ведь тоже не признался! А похоже, еще Цзуго что-то такое заметил! Хельмо облизнул губы и почти тут же осознал: не обижается. С чего обижаться, если у обоих по мешку секретов за плечами? Имшин тем временем, решив, видимо, оставить в покое тайны чужой крови, снова обратилась к нему:

— Я рада, что ты здесь. Рада, что государь в добром здравии. И... — вздохнув, она опять глянула на Янгреда, — рада, что ты обзавелся союзниками. У тебя сейчас трудное время.

— У нас, — робко поправил он. Что-то его встревожило.

— У нас, — нехотя повторила она, замолкла, и пришлось самому перейти к сложному, неприятному, но неминуемому:

— Почему вы не пустили, — Хельмо кивнул на Янгреда, — их? Они стоят под стенами несколько дней. Мне доложили, что гонец был, предупреждал. И... — вопрос о кораблях он пока опустил, спросил главное, от чего и теперь тревожно щемило в ребрах: — Где наш славный Карсо, неужели еще спит? Почему ты встречаешь меня, а не он?

Вопросы упали камнями, тяжело и звучно. Хельмо опять попытался улыбнуться, не зная зачем, — не облегчит улыбка дурной ответ. Не вышло; наверное, лицо, скорее, покривилось. Такая же судорога исказила черты Имшин. Не отвечая, она медленно подняла к глазам Хельмо левую руку, провела ею вправо-влево. Тоненькое деревянное колечко на среднем пальце было черным как уголь.

— О Господи, — прошептал Хельмо, едва не отпрянув. Все стало ясно. — Нет, нет...

— А они, — отозвалась Имшин, другой рукой повея в сторону моря и кораблей, — прибыли проводить его и поддерживать меня. Говорю на случай, если они тебя напугали.

Хельмо молчал. Колени предательски подрагивали, горло сдавило. Он сглотнул.

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

— Что случилось? — поинтересовался Янгрэд хмуро, и Имшин, видимо, сжалившись над потрясенным Хельмо, пояснила сама:

— Это венчальное кольцо, Огненный Янгрэд, светлое, из орехового дерева... было светлым. Пока не умер мой супруг. Это произошло две седмицы назад.

Немало стоили ей слова. Она опустила голову, сжала зубы так, что заходили желваки, нервно оправила волосы, звякнув сережками. Ресницы дрогнули, потом сомкнулись веки — тоже покрашенные алым, напоминающие рыбок. Было похоже, что Имшин с трудом сдерживает то ли слезы, то ли крик.

— Мне очень жаль... — все, на что Хельмо хватило. «Как не вовремя» — чуть не сорвалось с языка, но это он удержал. Имшин грустно кивнула.

— Мы не думали, что это случится, да еще так нелепо. Его одолела лихорадка, он долго боролся и даже переносил на ногах, продолжал трудиться... — Она потерла лоб. — Ты же помнишь, каким грязным был раньше этот город; знаешь, какие тут свирепствуют ветра и как любят все пить из этих гадких фонтанов, хоть мы и запрещаем. Мы бодем каждый раз, как приходит Зеленая Сестрица, и неоднократно, всем чем можно, разносим заразу, и вот... Карсо нет. Многие подавлены и напуганы. Городом управляю пока я.

Хельмо покачал головой. Принять весть он еще не мог, сказал, будто это что-то меняло:

— Но об этом не сообщили в столицу... — он запоздало понял, что звучит это как упрек. Имшин оправдываться не стала.

— Хельмо, мы едва-едва оправились. Вести ныне идут неважно, и я не решила послать их. Если перехватит Самозванка, если узнает, как мы стали беззащитны, если придет... — Имшин всплеснула руками. Она все сильнее начинала волноваться. — Ох, Хельмо... Я же не воин! И если бы не славные друзья... — Она опять обернулась на корабли.

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

— Не знал, что Карсо успел так... тесно подружиться опять с пиратами. — Хельмо мысленно пересчитал «красиновые» и «волчьи» корабли, прикидывая, сколько их еще может стоять в дальних бухтах.

— Не вижу ничего дурного в пиратах, — довольно холодно возразила Имшин и посмотрела теперь на шелковые корабли. — Да и многие мои прежние соотечественники наняли их просто как охрану, чтобы пересечь море. Не все пустыньники — воины.

— Да, помню... — Хельмо, поколебался и уточнил: — А когда они уйдут?

Имшин ужалила его взглядом. Он пожалел о вопросе.

— Странно слышать подобное от коренного остарца, в крови которого уважение к законам гостеприимства. Они нам не мешают, они даже привезли мне подарки...

— А вот эти гости остались под стенами, — все же решился повторить Хельмо, кивнув на молчащего, о чем-то задумавшегося Янгреда. Ссориться он не хотел, поэтому мирно, полусутоливо уточнил: — Тебя извиняет то, что ты все же не коренная остарка?

Имшин улыбнулась, невесело, но и без желчи. Опять посмотрела на Янгреда и, окликнув его, проговорила:

— Посмотри, он стыдит меня, словно девочку. Но я не в обиде. Поймите правильно оба: я боялась многого. Что горожане, которым не ясна обстановка в стране, перепугаются; что мы не справимся с таким количеством... вас, что вы заболете, напившись из наших фонтанов, с которыми, как я уже говорила, беда... и, в конце концов, что вы — не вы.

— Понимаю, — уверил Янгред. Хельмо сейчас смотрел, в основном, на него и видел то, что и при знакомстве: лед. Он все же был задет, как ни пытался это смягчить. Тем не менее, помедлив совсем чуть-чуть, он прибавил: — И даже поддерживаю, это разумно в военное время.

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

— Но, конечно, так нельзя, — твердо продолжила Имшин и улыбнулась теплее. — Прости меня. Твои люди, самые уставшие, могут перебраться на постой. У нас всегда пустует часть казарм, прежней армии ведь давно нет. К тому же, не думаю, что это займет много времени. — Она бросила рассеянный взгляд на стоявших перед лобным местом шелковых. — Вы ведь, если я не ошибаюсь, скоро собираетесь в путь.

— Не займет... — так же рассеянно пробормотал Янгрэд. — Спасибо за щедрое приглашение. Пожалуй, я его приму.

Имшин оживилась. Кажется, она правда чувствовала вину и теперь радовалась.

— Скажи, сколько солдат придет к нам? Нужно же подготовить им кров.

— Четыре сотни... — медленно, что-то считая в уме, сказал Янгрэд, — разместятся?

— Вполне! — Она продолжала внимательно на него смотреть. — А командующие? Я могла бы предоставить вам покои в нашем... моем Голубом замке. Это честь — принимать вас. Я даже почтила бы это пиром, пусть и горюю по Карсо... — Снова губы дрогнули в слабой улыбке, она перевела взгляд на Хельмо. — А ты что скажешь, милый? Это ведь касается вас обоих, тем более тебя я давно не видела.

Хельмо поймал взгляд Янгрэда — и «Да» не слетело с губ. Он сам скучал по жене Карсо, по ее чудным мальчишкам, чьей любимой забавой было заклинать змей, и все же... в приглашении многое виделось неправильным — прежде всего, то, что заночевать в тепле удастся далеко не всем. Несколько сот наемников, а остальные? Конечно, он не сердился, опасения и некоторая прижимистость Имшин были понятны, и все же.

— Ты очень добра, — покачал головой он. — Но, думается мне, место командиров с теми, кто будет ночевать без крыши и очага.

Часть 1. ВЕЛИКАЯ СМУТА

Янгрэд одобрительно кивнул, даже хлопнул его по плечу. Имшин, наоборот, огорчилась.

— Жаль. Мне... нам всем... так грустно без Карсо. И вообще, я тоскую по былому... — Она взяла Хельмо за руку, кончиком пальца начала водить по линиям на ладони. — Помнишь, как я тебе гадала? Разучилась, все забыла... а тоскую.

Он опять потупился, стал колебаться — все же какая она была красивая, какая родная. Часто он видел ее в Ас-Кованте в детстве; часто слышал ее звонкий хохот на пирах. Как головокружительно она там танцевала, не стыдясь поражать всех обнаженной полоской живота и стройными ногами, как обтирала ему, Хельмо, окровавленное лицо после пары неудачных детских драк и как хотелось утешить ее сейчас — погасшую, потерянную. Но, увы, приехал он не ради этого. И, увы, приглашения в гости стоило скорее оставить позади.

— Я навещу тебя, если успею, — мягко, но непреклонно отозвался он. — Позже. Мы едва встретились с союзниками, у нас ничего не оговорено, много дел. И также многое не оговорено у нас с тобой, ты ведь понимаешь? Учитывая, что получила дядино письмо.

— Не совсем. — Она отступила, оправила широкие рукава и спрятала в них руки, точно вдруг озябла. Похоже, обиделась, но спорить более не решилась. — Что, Хельмо?

— Скажи, Имшин. — Голос дрогнул, но он овладел собой, поднял глаза и прямо спросил: — Сколько ратников ты предоставишь в ополчение при таких обстоятельствах? Городские воеводы смогут уменьшить дружины и направить часть людей ко мне? А что со стрельцкими отрядами? Может, Карсо успел начать хоть что-то?

Об ответе — как и о том, что грянет дальше, — он догадывался, поэтому не дрогнул, когда Имшин недоуменно, испуганно глянула ему в лицо. Какое-то время она молчала, кусая пухлые капризные губы, но наконец, кашлянув, заговорила:

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

— Я понимаю... правда. Но для начала ты ответь, что без части воинства будем делать мы, если придет Самозванка? Кто защитит нас от людоедов при *таких* обстоятельствах? — Последнее она повторила его тоном. — Карсо во всем этом хотя бы разобрался. А я...

— Имшин. — Хельмо все же немного растерялся. Казалось, она готова броситься.

— Ответ. Сейчас же. О чем думает твой... наш царь? — Имшин, расправляя вновь плечи, подступила ближе. Взгляд ее жег. — А ты?! Я так рассчитывала на милосердие...

Она все крутила вдовье кольцо на пальце, глаза горели серебром. Расстроенная, рассерженная, напуганная... Хельмо понурился, проклиная все на свете. Возможно, торг не стоило затевать сейчас, «с порога», но поздно. В конце концов, лучше сразу, чем непонятно когда и непонятно как. В конце концов, она — родная.

— Ну и что же? — наседала Имшин. Хельмо молчал, понимая: с этой бедой он один. Янгрэд, судя по виду, жалел его, но вмешиваться не собирался. Себе дороже: внутренние дразги союзников его не касались, могли, скорее, выйти боком, а уж с женщинами...

— Имшин, — наконец начал Хельмо. Он знал: следующие слова прозвучат высокопарно и бездушно, но других не было. — Нужно защитить столицу. Неприятель идет к ней, это его основная цель. Если падет сердце страны, за приходом Самозванки сюда дело не станет. Но пока все иначе: ваши земли окраинные, флот не задействован. Мы прогоним врагов раньше.

— *Сердце*. — Имшин скривилась. — Каждый город — разве не маленькое сердце? Твое сердце... разве не так же оно уязвимо для пуль и клинков, как сердце царя? А мое? Тебе его не жаль? Оно и так кровит.

Янгрэд усмехнулся. Имшин это заметила, судя по тому, как нахмурилась, и бросила: